

Футурум АРТ 1 (54)

МОСКВА

2023

Футурум АРТ

Литературно-художественный журнал

Союза писателей XXI века

<http://www.futurum-art.ru>

Издатель и главный редактор

Евгений Степанов (stepanov@futurum-art.ru)

Редколлегия

Сергей Бирюков

Юрий Милорава

Анастасия Степанова

Оформление и верстка

Ирина Ракитина

Проект осуществляется при участии **Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»** (Генеральный директор **Е. В. Степанов**).

Свидетельство о регистрации журнала:

ПИ 77-3270 от 28 апреля 2000 г.

Содержание

Колонка редактора 5

СИЛЛАБОТОНИКА

Александра КРЮЧКОВА. Стихотворения из книги «Нестандарт» 6

ВЕРЛИБРЫ

Михаил КУЗЬМИН. Обращение к Дмитрию А. Пригову 15

Евгений СТЕПАНОВ. Сердце настроить на любовь 24

ПАЛИНДРОМЫ

Евгений СТЕПАНОВ. Алоэ эола 32

ЧАСТУШКИ

Нина КРАСНОВА. Крутые частушки. 35

ПРОЗА

Сандра МЯСНИКОВА. Ты, я и собака Сольвейг. Рассказ 52

Светлана БОГДАНОВА. История для Эмили. Рассказ. 78

РЕЦЕНЗИИ

Ольга ЕФИМОВА (Вера Панченко, «Стан»)

Пётр ГУЛДЕДАВА (Александра Крючкова, «Рождество

на Кузнецком мосту»)..... 98

ОБ АВТОРАХ..... 109

Друзья!

Пишите!
Напечатаю.

Евгений СТЕПАНОВ

АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА

**СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ КНИГИ
«НЕСТАНДАРТ»**

В МИЛЛИМЕТРЕ ОТ...

В миллиметре от...
Жизнь одна... Смерть бледна... Цель видна...
Сколько песен и лет
Жду заветных примет...
Я — плачу... Сон — к плечу... Я лечу
из...
 над...
 на...
Свет...

В миллиметре от...
Белый флаг... Черный Маг... В душах — мрак...
Сердцу в полночь завить —
Тщетно жаждет забыть
Горечь бед... Соль побед... Смысла нет
вдоль...
 по...
 так...
Плыть...

В миллиметре от...
Клеть тесна... Явь пресна... Я — Весна...
Взвесив «за», «против», «но»,
Все — равно, всё — одно...
Щит — мечу... Мне — свечу... Я лечу
из...
 над...
 на...

Дно...

В миллиметре от...
Строят храм... Там-здесь-там... Верю снам...
Дайте ниток, чтоб сшить...
Веток вербы, чтоб свить...
Я лечу... Я кричу: «Я хочу
так,
 чтоб
 НАМ
Быть...»

В миллиметре от...
Бьет волна... Мстит Луна... Чья вина?..
Слишком рано — во вне...
Слышен голос во сне:
«Ты — нежна... Ты — княжна...
Ты,
 как воздух,
 нужна
МНЕ...»

ЗАСТЫНЬ

застынь!
в потоке волн, где синь
небес, и звездное панно —
в душе, смотри! —
не в зеркало — в окно!
замри!
разгадано давно:
к щеке — щетиновой щекой,
вдоль пальцев — ласковой рукой
до тайны черного кольца —
не стоит промысла Творца! —
все сон:
бессмысленно — все сон! —
и я, и ты,
и мир, и Он...
теперь
я дерзостно-смела:
посмей! —
с бесстрашием орла
заклюй, запей
настойками шалфея
земную Инь
в объятиях Морфея:
его Динь-Динь,
забытая им Фея,
...у-
мер-
ла...

БЕЛКИ

Ты — в черном сегодня,
а как ты астрально?.. ça va?*

Ты — в курсе, что значит
наш выбор расцветок одежды?

Нервишки на взводе,
я знаю: кураре — слова.

Во мне же осталась
лишь нежность последней надежды...

Что шепчет Безмолвье?
Зачем ты бросаешь взгляд вниз? —

Ты вязнешь в болоте
шаблонов бездушной морали!

Мы — белки в колесах, —
Сансара! — вернемся на бис...

Каморку улитки
ждет Нобель за тайну спирали...

Смеешься? — Мир замер!
На небе рисуют кресты,
Готовят присяжных,
и вовсе не скатерть — дорога...

Нет счастья в подкове!
Ты — в черном... Мне страшно, что ты
В потоке вибраций
внезапно услышишь зов Бога...

* «Как дела?» по-французски.

СТАККАТО

Дом — работа — дом,
из дома — в гости,
гости — в дом,
ром?
виски со льдом?
фото — в альбом,
он — стон,
он — ком,
прочь — в ночь,
в сон,
утром — с трудом,
сонм
счетов на оплату,
разбудят звонками
забытую дату,
зарплата — затраты — заплаты,
дом — работа — дом,
вверх — дном...
Мысли зависли:
вот я — ученица
6-го «Б» класса,
пусть флаги кровавы,
и осы — у кваса,
а масса безлика,
хрупка и пластмассова,
я в Блока влюбилась,
читая Некрасова,
но в хоре
поём
унисон...
Дом — школа — дом,
он — вне,
он — там,
он — сон,

бродим в парке вдвоем —
разве МЫ здесь умрем?!
сладко слово
«ПОТОМ»...
Дом — ВУЗ — дом,
он — явь,
он — шторм,
он — стон,
пахнет вином,
если в душах — излом,
к чёрту красный диплом, —
лучше звезды зажжем,
ведь НЕ МЫ здесь умрем!
тот, кто скажет,
что смертны мы, —
врет!
и вот...
Дом — работа — дом,
из дома — в гости,
гости — в дом,
утром — с трудом,
сонм
счетов на оплату,
разбудят звонками
забытую дату,
зарплата — затраты — заплаты,
он — стон,
он — сон,
он — ком,
пьем ром,
молча споря о том,
что краткие вспышки —
шальные свидания
не вызовут в душах
ни капли страдания —
возьмите в кавычки —

«от вредной привычки»
к друг другу — по кругу —
без тени сомнения,
к долгим разлукам
и встречаем-мгновениям, —
их же лоскутья
под вечер с поправками,
словно на чётки,
на якорь булавками —
в память —
не яркий,
но холст! —
чей хвост
в полночь с курантами
бьёт
в Новый Год:
я всё же умру здесь, он — тоже...
умрет...
но что с нами будет потом?
Дом — паром — дом?..
на небе, истерзанном
явью и снами,
а проводы в небо —
внезапны — цунами!
и стаей растают
в закатах фрегаты
всех тех, что устали
однажды когда-то
кружиться в спирали
в такт ритма стаккато...
креcendo —
страх Смерти —
Взрыв!
ГРОМ!!!...
фото — в альбом...
ОН — ОМ...

ВЕЧЕР, КОФЕ, МИКРОФОН

вечер,
 кофе,
 микрофон,
я — он,
голос тих,
 ветер стих,
 еще один стих —
в стол,
 в стон,
 в крик...
фраз смог,
 вдох — вздох,
 срок — рок,
 вбок — Бог —
 «Вы»?...
разговор —
 сор слов,
 бег строк,
песок —
 часы...
все — сон,
 бред,
ведь здесь
все —
 львы...
дым сигарет...
кто мы? —
 нас нет...
но вновь — из нор —
в аккорд — минор,
на роль — король,
а боль — в бокал,
накал
 страстей и чувств —
 в финал,

все знал —
зал —
пуст...
знак — в кольцо,
кольцо — в лицо,
еще одно лицо,
а на крыльцо
в дом чей?
развей
тем грусть,
на плечи — груз
речей
зачем? — в ручей!
я не знаю, за что...
я не знаю, за что
все так...
пустяк...
пусть так...
ничьей...

МИХАИЛ КУЗЬМИН

***ОБРАЩЕНИЕ
К ДМИТРИЮ А. ПРИГОВУ***

Дмитрий Александрович Пригов, здравствуйте!

Повторю еще раз: — Здравствуйте, Дмитрий Александрович Пригов!

Мой проект называется очень скромно и очень мужественно: «Повторяем за Дмитрием Александровичем Приговым».

Я, Михаил Савельевич Кузьмин (Mihoo Kuzmihoo <kuzmihoo@yahoo.com>),

с большим удовольствием повторяю за Дмитрием Александровичем Приговым вот эту фразу: «Всякая вещь определяется в итоге, по сути и по явлению.

Заяц, например, по явлению — пушистый зверек, а по сути, природа».

Я, Филипп Сомов (Philippe Somov <slovnet@pisem.net>),

спешу повторить за Дмитрием Александровичем Приговым вот эту мысль:

«Между пространством, откуда приходят сигналы, и телесностью, которая

их воспринимает, находится пространство преобразования...»

Я, Витольд Полный (Witold Polny <witoldpolny@wp.pl>),

люблю Дмитрия Александровича Пригова за его уважение к
бездне

и готов это доказать цитатой:

«Бездна не дается разом. Но только постепенно.

Только сделав первый шаг. Второй. Третий...»

Я, Давид Таксинопулос (David Taxinopoulos <dataxi@nettaxi.
com>),

повторяю вслед за Дмитрием Александровичем Приговым
вот эти строки:

«Когда ты скажем знаменит — Быть знаменитым
некрасиво...»

Я, Роберт Берг (Robert Bert <west@hest.no>),

с превеликим удовольствием

повторю за Дмитрием Александровичем Приговым вот этот
пассаж:

«Зачастую, размельчая азбуку, разнося ее по буквам, не
теряем ли мы

исконные значения как самой азбуки, так и букв как
неотъемлемых частей

цельного организма...»

Я, Леон Лион (Leon Lion <leomail@mail.be>),

повторяя за Дмитрием

Александровичем Приговым вот эти милые строки

«Все мы вышли из Матери Горького...»,

тоже как бы выхожу из Матери,

пardon, из Матроны...

Я, Том Диккенс (Tom Dickens <mybaby@dobaby.com>)

не поленюсь и в охотку

повторю за Дмитрием Александровичем Приговым

вот это «тэтатэтное па»:

«Восток — он все время на Запад глядит / А Запад — глядит
на Восток...»

Я, Мизилька Мухин (Mizilka Muxin <iamhappy@ilovejesus.
net>),

хотя и повторяю за Дмитрием Александровичем Приговым, что

«Я страдаю от страданья / Сам к тому ж ничтожно мал»,

но уж очень мне хочется

добавить, что я счастлив...

Я, Клаус Вепп (Klaus Wepp <klaus.wepp@web.de>),

с удовольствием повторю за Дмитрием Александровичем Приговым

чеховско-свифтовскую фразу:

«Только ангелы и слышат, как ангелы поют!»

Я, Аркадий Бекант (Arkady Bekant <bekant@bk.ru>),

гордо повторяю за

Дмитрием Александровичем Приговым, что

«Все свое люблю и обожаю».

Я, Поль Ганзелка (Paul Ganzelka <paul.ganzelka@laposte.net>),

люблю повторять, правда, как палиндром,

вот эту строчку из Дмитрия Александровича Пригова:

«А тевс цен окно тов, но тов...»

(В нечаянной рифме «тов – но тов» есть даже что-то мистическое).

Я, Свен Тарт (Sven Tart <sventart@start.no>), уже в пятый раз повторяю

за Дмитрием Александровичем Приговым его гениальную мысль:

«Всегда во всем есть что-то лишнее».

Я, Фред Эппл (Fred Apple <free.apple@free.e.pl>),

люблю повторять

(особенно по вторникам) вслед за Дмитрием
Александровичем Приговым

вот эту максимуму:

«Истина в человеческом к ней приближении есть правда».

Я, Патрик Пелуо (Patrick Pelloo <peloo@meloo.com>),

стесняюсь своего акцента и поэтому хочу повторить,

нет произнести в унисон

(одновременно с Дмитрием Александровичем Приговым),

вот этот гиперболический пассаж:

«Страх обо мне пройдет по всей Руси великой».

Я, Сольвейг Носсен (Solveig Nossen <sol.nos@sol.no>),

пою и повторяю (пою на бис)

вслед за Дмитрием Александровичем Приговым:

«Когда Москва заводит песню / И страшным голосом поет...»

Я, Адам Ментор (Adam Mentor <admentor@o2.pl>), хочу
повторить за

Дмитрием Александровичем Приговым что-нибудь
дидактическое,

например, вот это:

«Иногда ассоциируют образ столба с образом роли личности в истории, что неверно с марксистской точки зрения, так как механизм роли личности в истории принципиально иной».

Я, Шимон Зимунк (Szymon Zimunk <blagoj@ahoj.pl>),

обожаю повторять за Дмитрием Александровчем Приговым,

но только тогда, когда он сам повторяет за

Львом Семёновичем Рубинштейном:

«Жизнь дается человеку на всю жизнь».

Я, Семён Семёнов (Semen Semenov <owomen@omen.ru>),

вернулся вчера из Израиля,

где я на всех перекрестках повторял вслед

за Дмитрием Александровичем Приговым:

«Самые красивые девушки в Израиле. Они, во-первых, удивительно тонкие,

изящные. Потом, в военной форме, с автоматами — дико эротично».

Я, Сигурд Беро <sibero.it@libero.it>,

повторяю за Дмитрием Александровичем Приговым

вообще-то банальную мысль,

но как она порою бывает верна:

«Только вымоешь посуду / Глядь — уж новая лежит».

Я, Дидрик Фанген (Didrik Fangen <amail.net@apost.net>),
хотел бы повторить за Дмитрием Александровичем Приговым
всего «Евгения Онегина Пушкина»,

но повторяю только одну строку (зато денно и ночью):

«Безумен мир его чела...»

Я, Алоиз Купка (Alois Kupka <postmodernism@post.cz>),
в принципе любя

все вторичное, люблю, как говорят в Малороссии,

лезть поперед бабки в пекло,

поэтому я опережаю Дмитрия Александровича Пригова

и повторяю

какие-то вещи раньше него самого,

например, вот это:

«Весна идет — ее победа /Уж несомненна и ясна...»

Я, Роман Ромм (Romain Romm <romro@rol.ro>),

повторяю за Дмитрием

Александровичем Приговым слов несколько замечательных

на языке чудовищно ведь не родном:

«Когда сдвинутся, сомкнутся дали дальние, схлопнутся края
света, схлопнутся А и Я, Б и Ю, В и Э! Кто, кто уцелеет там
посередке?»

Кто он, кто он! П, П уцелеет, одно одиныхонько».

Я, Богумил Главан (Bogumil Glavan <bog_glavan@abv.bg>),

давненько ничего

не повторял за Дмитрием Александровичем Приговым,

так же как и за

Христо Ботевым и за Десанкой Максимович,

но сегодня повторю за

Дмитрием Александровичем Приговым:

«...всякая трагедия, совершающаяся на бумаге, маленькая

трагедия».

Я, Оскар Тиноли (Oskar Tinoli <ostino@postino.li>), никогда в
жизни

ничего не повторявший за Дмитрием Александровичем
Приговым

(сделаю это сейчас), все-таки вынужден констатировать, что

«количество людей, сочувственно

воспринимающих как сами повторения, так и направление Новой

Повторяемости, в некоторой степени возросло».

Я, Иткинс Айзик (Itkins Isick <It.is@ice.is>), повторяю за Дмитрием

Александровичем Приговым совершенно гениальную мысль

и на этом, собственно, замолкаю

(до следующего повторения, «столпотворения»):

«По всем безумьям старины / Безумца похвалить должны».

2003

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

СЕРДЦЕ НАСТРОИТЬ НА ЛЮБОВЬ

**ВЫСОКИЙ ЧЕЛОВЕК
ИДЕТ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ**

Осень. Мороз.
Высокий человек идет через поле.
Один.

Кто этот человек?
Почему он идет один?

Что я могу сказать
самому себе?

2008

ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

авиалинии

стиха

авалиани

2009

АПРЕЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

ничтожество
ты говоришь сам себе

я люблю тебя
говорит тебе Бог

апрельское солнце
согревает сумрачную квартиру

2013

**В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ:
ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ**

Никаких негативных эмоций.
Только — выводы.
Только элементарная математика: доход-расход,
дебет-кредит, убытки-прибыль.
Ты знаешь цену себе.
Ты знаешь свои слабые и сильные стороны.
Твои судьи — ты сам и Господь.
Тебе нужно делать дело.
Помнить о друзьях и союзниках.
Забыть о врагах и предателях.
Работать.
Идти вперед.
Помогать родным и близким.
Обнять старый дуб возле родной станции метро Аэропорт.
Сердце настроить на любовь.

2013

СМЫСЛ ЖИЗНИ

пока ты лежишь у меня на плече
я знаю
в чем смысл
моей
жизни

2015

ЗАКОНЫ

что такое ненависть врага
это шанс научиться прощать

что такое потеря денег
это приобретение дополнительной свободы

что такое потеря здоровья
это приближение к истине

старец Илий
читает молитву

его глаза
смотрят на всех нас

все хорошо
все хорошо

2013

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЗАВИСИМОСТИ

уже нет зависимости от женщин
общественного мнения
телевидения
никотина
алкоголя

еще есть зависимость от денег
социальных сетей
врачей
воды
еды

ничего
пройдет и это

2013

ДОМ

все очень просто
я двадцать лет строил дом
строил строил и построил
оказалось — кроме меня — он никому не нужен
а значит не нужен и мне
теперь в этом доме живут другие люди
а я строю дом в чужой стране
но в этой чужой стране живут не чужие для меня люди
все очень просто

*2013
Берлин*

КТО СЕЙЧАС ПОМНИТ

мы садимся с Наташей на трамвай потом пересаживаемся на метро
мы едем из района Марцан в Шарлотенбург-Норд
из Восточного Берлина в Западный
из одной нашей квартиры в другую
да просто так садимся на трамвай потом пересаживаемся на метро
и едем

потому что нам так надо

потому что в Шарлотенбурге нас ждет дочка и внучка

потому что мы возьем им конфеты и фрукты

потому что в Шарлотенбурге наш любимый парк

Jungfernhöhe

где мы кормим длинными макаронами замечательно

неагрессивных кабанов

и уже наверное никто не помнит

что еще совсем недавно это все было невозможно

еще каких-то несколько десятилетий назад мы с Наташей

студенты провинциального иняза

и думать не могли что когда-то окажемся в Берлине даже

туристами

и кто сейчас помнит что когда-то была Берлинская стена

была граница которую беспощадно охраняли с обеих сторон

кто сейчас помнит

а мы помним

мы советские люди

и очень многое помним

и поэтому умеем быть счастливыми

мы садимся на трамвай потом пересаживаемся на метро

мы едем из района Марцан в Шарлотенбург-Норд

из Восточного Берлина в Западный

2013

Берлин

СОЛОВЬИ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ

соловьи в Западном Берлине в эти теплые майские дни
заливаются не умолкая
радостно безудержно взхлеб

я написал об этом одной своей знакомой
она возмутилась
ответила мне:
лучше всего соловьи поют в России

что же мне делать?
я прожил целую жизнь в Москве и ни разу не слышал в моем
родном городе соловьев
у меня есть квартира и в элитном районе Подмосковья —
на станции Удельная —
квартира хорошая большая в доме ФСБ среди вековых сосен
но и в Удельной я ни разу не слышал соловьев

я верю разумеется что соловьи поют лучше всего в России
и люди самые лучшие в России
самые добрые самые начитанные
самые честные
допускаю даже что Россия родина слонов
честное слово охотно верю

но что же мне делать если я не слышал у себя дома соловьев
а в Западном Берлине слышу постоянно

наверное теперь меня обвинят в безродном космополитизме
непатриотизме
обвинят в прославлении тлетворного Запада
и т. д.

или все-таки нет?
может быть в самом деле можно допустить мысль
что в другом городе в другой стране
замечательно поют соловьи
значит у них неплохая жизнь
значит люди создали для них неплохую жизнь
и видимо эти люди
позаботились и о себе

2013
Берлин

ПРАВДА ЖИЗНИ

безбрежный океан вранья
ложных ценностей
придуманных иерархий
дутых авторитетов
выдуманных исторических хроник
бесконечная
безграничная
тотальная
мировая
ложь

и только — жадный и властный императив ребенка:
мама сися
мама сися

здесь правда жизни

2013
Берлин

ТЕХНОЛОГИИ

технология стрекозы
совершеннее технологий вертолета

технология «Столбцов»
не превзойдена никем из современных стихотворцев

технологии Николая Фёдорова
мы так и не сумели применить в жизни

я уже не говорю о Нем
это было бы суесловием

и все-таки информацию иных миров
человек осваивает

ходит по воде — корабли
летает как птица — самолеты

и главное — создает себе подобных
таким казалось бы простым способом

2013
Берлин

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

АЛОЭ ЭОЛА

ПАМЯТИ МАЯКОВСКОГО
(палиндромический триптих)

I

ты быт
как
наган

II

о
нага Каган^{*}
наган

III

наган

2013
Берлин

* Девичья фамилия Лили Брик — Каган.

ЭДУАРД АСАДОВ

вода-с Асадов
но он
нежен

НИНА КРАСНОВА

а Нина
как
алоэ эола

РЕСТОРАННЫЙ МУЗЫКАНТ

лабал
лакал

лакал
лабал

но он
летел

но он
летел

.....
.....

*2013
Берлин*

НА РАДОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫМ

оду удо

*2013
Берлин*

НИНА КРАСНОВА

КРУТЫЕ ЧАСТУШКИ

*(От мужского и от женского лица.
Детям до шестнадцати лет читать запрещается.)*

*«Озорна и целомудренна ненормативная лексика
в стихах рязанской красной девицы Нины Красновой...»
Андрей Вознесенский*

*«Нина Краснова — это казацкая вольница в нашей поэзии...
Поэтому ей можно делать, то есть писать то, чего
нельзя другим поэтессам... У Нины Красновой все ее
частушечные вольности идут от переизбытка творческих
сил и от широты русской природы... со всеми ее
крайностями...»*

Виктор Боков

*«У некоторых поэтов частушки кажутся стилизацией под
народные частушки. Но у Нины Красновой это не стилизация,
а жанр, органичный для ее творческой природы...»
Тамара Жирмунская*

Я ли с милым не полажу?
Ляжу с милым, полежу,
Нежно нос ему поглажу,
Нежно в глазки погляжу.

Я целую милого
В губки, в глазки, в щеченьки.
И могу поцеловать
Кой-куда ещеченьки.

Распустил залетка руки,
Снять с меня пытался брюки,
Целый вечер их сымал,
На брюках мне замок сломал.

Я влюбилась в Михаила,
Он — большущий сме.уила.

Меня милый обнимал
Неприлично как-то,
Довести меня хотел
До полового акта.

Под Егора-тракториста
Я разов ложилась триста.
Не искусен он в речах,
Но у него такой рычаг!

Я ложилась под Игната
На арабскую кровать,
Под Игната, под Игната
Я неплохо «подогната».

У меня залетка был
По имени Женя.
Я гуляла с Женею,
Попала в «положению».

Я гулял по Малой Бронной,
Размышлял о жизни брэнной,
Повстречал деваху я,
Мне деваху... до колен.

Молодуха в три объёма,
Ей тесна любая хата.
У меня не хватит духу
Обнять такую молодуху.

По Перову шел сантехник,
Нес с собой большую дрель,
И от этой самой дрели
Девки с бабами дурели.

Я в хрущевку-развалюху
Затащил к себе Валюху,
И в хрущевке-развалюхе
Запендюрил я Валюхе.

Хороша твоя бабень,
Хороша на ней юбень, (*Юбень – юбка, ряз. Прим. автора*)
И не столь сама бабень,
Сколь бабенина юбень.

Ходили бабы к бобылю —
Швея, доярка, жница.
Сказал бобыль: «Я баб люблю,
Но не люблю жениться».

Я в стогу с одной бабенью
Занимался полюбенью,
Надоела мне бабень
И с бабенью полюбень.

Я лежу под кустиком
С Колею-Колякою,
С ним под этим кустиком
Про любовь калякаю.

Доигралась я, хэ-хэ,
С Колею-Колякою.
И ему сломала хэ —
Коляка стал калекою.

Я к милашечке качу,
В магазинчик заскочу,
В магазинчик заскочу-ка,
Член куплю из каучука.

Чтоб играло детство в ж.пе,
Фаллос я купила в «Шопе»,
Говорю подружке: «Кать,
А куды его втыкать?»

В магазине, в «Шопе», уй,
Я себе купила .уй,
.уй купила за у.е.,
Буду прыгать на .уе.

У одной несчастной крали
Член искусственный украли,
Краля воет и ревет,
Волосья на ж.пе рвет.

Мы долбились под мостами,
Где рельсы с паровозами,
Мы менялись с ним местами
И менялись позами.

Ох, и бьет меня муж,
И ругает меня муж.
Поругает и побьет,
А зато и... пожалеет.

Сашка ростом — выше Нинки,
Он по пояс — в облаках.
Нинка Сашке до ширинки
Достает на каблуках.

Стоит у стенки коечка,
Лежит на койке Колечка.
Ляжу я на коечку,
А потом на Колечку.

Ванну я налью Вовану,
Усажу Вована в ванну,
Спину я потру Вовану
И к нему залезу в ванну.

Постелю постель Сергею,
Ляжу с ним, его согрею.
Ой, Сергей, Сергей, Сергей,
Ляжь со мной, меня согрей.

За Серёжу, за Серёжу
Я набыю любому рожу.

Юрка спал в своей конурке,
Прибежала Нюрка к Юрке
И ему сказала: «Ю-у-рк...» —
И к нему в постельку ю-у-рк.

Мне сказал сегодня Стас,
Что у меня хороший таз
И что этот самый таз
Вызывает в нем экстаз.

Увидать бы мне Ниноченьку,
Провести бы с нею ноченьку.
Без тебя, моя Ниноченька,
Мне и ноченька не ноченька.

У меня залетка был,
Каренькие глазки,
Он не жил со мною, нё жил,
Но любил меня и нежил.

Толя, Толя, Толя, Толя,
Ты в меня влюбился, что ля?
Ты с меня снимаешь лифчик.
Ну какой же ты счастливчик.

Под часами я стою,
Под часами мокну.
Если милка щас придет,
Милку в щечку чмокну.

У меня подружка есть,
Звать ее Лидушечка.
Хороша Лидушечка
Тем, что не лядушечка.

Я сидела в лопухах
С Витею-Витюхою,
Он сказал: «А хочешь, здесь
Я тебе и втюхаю?..»

Встану, встану я на пень,
Заголю свою жо.ень.
Витя, Витя, Витя, Вить,
Издаля меня увидь!

От меня ушел Илья,
Я тоскую, слезы лья,
И гадаю, слезы лья:
Где, в какой дыре Илья?

У реки, за лодкой,
Лежала я с залеткой,
«Камасутру» изучала
И ребенка с ним зачала.

Я лежала с коммунистом
На пригорке каменистом,
Себе отбила все бока,
С ним лежала я пока.

Жик-жик, жик-жик,
Нет, не слабый я мужик.
Мне по силам работенка —
Сделать бабе ребятенка.

У меня лежит в постели,
Ух, милочка.
А у милочки у этой —
Ухмылочка.

С деревенского холма
Показалась Хохлома.
Долбанутый хахаль мой
Любовался Хохломой.

По Рязани шел индиец,
Он, наверно, был нудиец,
Шел индиец парком, садом,
Шел, сверкая голым задом.

Вор казанский, заказной,
Едет в кассу за казной,
А за ним, ловя момент,
Едет наш московский мент.

Московская милиция
Такая милолицая.
Как не любить милицию,
Такую «милолицию»?

С девкой я гулял хромою,
Угощал ее хурмою,
Девка хоть была хрома,
Ей понравилась хурма.

Ходит краля у Арбата,
Хромонога и горбата,
Ждет кого-то краля энта,
Краля энта ждет клиента.

Вон сидит в столовой Лёшка,
У него большая ложка.
Ты не связывайся с Лёшкой,
А то по лбу получишь ложкой.

Мужики перепились,
Принялись резвиться,
В вырезвитель приплелись,
Чтобы протрезвиться.

В ресторан зашли со скуки
Господа из Йокасуки,
Заказали яства всяки,
И сакэ^{*}, и сукияки^{**}.

Зашел хохол в буфетный холл,
А там в томате килька.
Спросил у продавца хохол:
«А килька стоит скилька?»

В праздник вспомнил я про Катю,
С Катей деньги «прокутю»,
Катю на такси прокатыю
И на палке «прокатыю».

* Сакэ (яп.) — рисовая водка.

** Сукияки (яп.) — блюдо из мраморной говядины.

Жил в Рязани нуворишка,
Нуворишка был воришка,
Он уехал на Канары,
Там попал в тюрьму, на нары.

С иностранного туриста
За ночь я беру по триста,
Беру большие баксы
За наши с ним е.аксы.

Мой залетка возвратился
Из мадридов, барселон.
А на хрена ему испанки?
Всех испанок бросил он.

Я приехал на Урал
И с горы: «Ур-р-ра!» — орал.
Все смеялись, гры-гры-гры:
«Это что за ... с горы?»

В Турции, в Турции
Кругом цветут настурции,
И туристы в Турции
Нюхают настурции.

В Монголии, в Монголии
Кругом цветут магнолии,
Монголки там с монголами
В жару гуляют голыми.

По Китаю, по Китаю
Я милашку покатаю,
С ней проедуь по Пекину,
Ей в Пекине палку кину.

Ну и мать твою етит,
Маша в Боинге летит,
Едет Маша в Катманду,
Везет туда свою .анду.

В индийском городе Мадрасе
Меня катали на матрасе...
Как увижу я матрас,
Вспоминаю я Мадрас.

САНДРА МЯСНИКОВА

ТЫ, Я И СОБАКА СОЛЬВЕЙГ

Рассказ

У меня благополучная жизнь. Я замужем. У меня муж с положением. Уютная квартира в престижном районе. И метро почти в шаговой доступности.

А главное, у меня есть близкие подружки, с которыми можно встретиться, поболтать, проанализировать то, что вокруг происходит, отвести душу...

Иные из моих подруг постоянно проживают за границей, но любят наведаться сюда, и никакие длительные перелеты с ночными пересадками в третьих странах их не пугают, а даже подстегивают. Мои подружки любят произвести впечатление, блеснуть на родине, потусоваться и снова отчалить в более безопасное место.

Когда кто-нибудь из них приезжает, становится совсем интересно...

Недавно, например, нагрянула бывшая сокурсница Алка из Франции.

Приехала свой юбилей «Баба ягодка опять» отмечать. Посидели в приличном ресторане, пообщались...

А потом у себя дома я устроила ей «русский завтрак»: блины на дрожжах напекла, икру красную разложила, пирожков с капустой налепила.

Ну, и конечно, выпили немного, как у нас на родине принято.

Потом мои фотографии стали рассматривать. А у меня все фотки грамотно разложены. По этапам жизни, так сказать. Сначала школа, потом институт и так до сего момента.

Ушла на кухню, чтобы принести заварочный чайник в гостиную, и вдруг слышу, вопит моя подруга!

И на русских разносолах у нее такой голос прорезался, мама дорогая:

— Зачем ты его сюда засунула? Ты, что, обалдела! Муж видел?

— А почему я должна его скрывать? — отвечаю ей так, спокойненько. — Первая любовь — это святое.

— Ну, ты — смелая женщина. Мой бы Пьер меня просто пристукнул... А где это ты Вадку сфоткала? И, как всегда, с мамочкой...

— Да тут недавно одно мероприятие было. Случайно встретились. И я его с матерью увековечила... Они разрешили...

— Ну, и что Вадка при встрече тебе сказал? Как на тебя среагировал?

— Да никак не среагировал. И ни слова не проронил. Сразу смотался куда-то. В свойственной ему манере.

— Слушай, ну если он после всего, что у вас было, на тебя ноль эмоций, то он либо импотент с плоскостопием, либо ориентацию сменил, это я тебе точно говорю.

— Спасибо, подружка! — мне было приятно, что Алка такого высокого мнения о моих женских качествах. — И где это ты таких выражений в своей Франции нахваталась? Импотент с плоскостопием — это сильно сказано. Такого «перла» даже тут не услышишь.

— А к моей соседке одна хохлушка убирать дом ходит, так она иной раз такое загнет, что потом весь наш русский клуб за животики хватается.

— У вас в Марселе и клуб есть?

— А ты как думала? Ты даже не можешь себе представить, сколько во Франции русских! Мы объединяемся, чтобы скучно не было. Знаешь, как от лягушатников устаем... Они хорошие, славные, но другие, понимаешь?.. Но что-то мы, Вик, от темы отклонились... Ты мне лучше про Вадку расскажи. Как он? Чем занимается?

— Говорят, один живет. Занимается музыкальной рекламой...

— Так и не женился? Это в наши-то годы? И, что, не был женат?

— Вроде, не был.

— Может, он, и в правду, сменил ориентацию? — не унималась Алка. — Знаешь, сколько сейчас геев во Франции? И они всю борются за свои права. Демонстрации там всякие устраивают, митинги... Это настоящая демократия по-европейски: хочешь, с мальчиками, хочешь, с девочками, какой выбор-то у человека...

— Гей... Типун тебе на язык! Вада... Он такой мужественный. Сильный, — отбивалась я. — Да он, если хочешь знать...

— Викуль, то, что он мужественный, еще ни о чем не говорит... Они разные бывают, — оборвала Алка со знанием дела. — Хорош

гусь... — Гостья еще раз пристально всмотрелась в лицо Вады... — Эх, ты... такую девушку продинамил! — и, в сердцах, она резко захлопнула альбом.

На следующий день Алка улетела в свой Марсель, а я села на диван, включила Брамса и стала вспоминать...

...Удивительно, но нас с тобой познакомили, когда нам было по два года.

На новогодней елке, куда обоих привезли заботливые родители.

Мы с тобой были, что называется, детьми из хороших семей, принадлежали к одной и той же среде, и наши пути и в детстве, и в юности частенько пересекались.

И, увидев тебя впервые, видимо, от переизбытка чувств, я сразу уписалась...

Оставила характерное пятно на бархатном кресле Большого зала Дома композиторов...

Так, по крайней мере, мне потом бабушка рассказывала.

Сама я, конечно, помнить этого не могла.

Впрочем, если напрячь память, какое-то сладко-шемящее воспоминание ухватить удастся: мальчик с черными кудрями, точно руны у барашка, рядом твоя ослепительная, немного насмешливая мама, а вокруг — шепот, волнение, обожающие твоего отца поклонницы и поклонники. Подобострастные, присягающие на верность взгляды, которые много позже будут доводить тебя до бешенства...

Прошло лет восемь, и мы снова встретились... В Доме творчества советских композиторов, куда нас вывезли на каникулы наши чадолюбивые родственники.

Дело было в Крыму, стояло жаркое лето, мы были уже не совсем «маленькими», но еще и не подростками, хотя вопросы пола меня лично уже сильно волновали.

Мне было десять лет, когда я узнала самую жгучую тайну мироздания.

А до этого свято верила в то, что говорила мама, а именно: замужним тетям делают прививки, у них вырастают животики, а потом живот разрезают и рождаются маленькие детки.

Когда я спрашивала, кто же делает прививки бездомным кошкам, мама, не задумываясь, отвечала: «Их, доча, звериные врачи специально отлавливают, делают им уколы, и на свет появляются котятка».

В мире все было правильно и логично. Никаких вопросов у меня более не возникало.

Но в то лето все как-то изменилось, сдвинулось, перестало быть понятным.

У меня была подруга Ириша, на два года старше меня.

У нее уже всю росла грудь, она загорала в раздельном купальнике, а я ей очень завидовала.

Она держала себя со мной, как взрослая, поучала и наставляла.

Наши родители дружили. Частенько после обеда клали «спать» вместе на веранде, а сами, видимо, вели интеллектуальные разговоры...

В один прекрасный день мы лежали с Иришей на веранде в тихий час, делали вид, что засыпаем, а сами бурно обсуждали проблему, как проникнуть в летний кинотеатр на фильм «детям до 16-ти»?..

— Не, нас туда точно не пустят, — сказала Ириша, тяжело вздохнув и подтянув простыню выше подбородка, — ведь он ее там изнасиловал...

— Что-что, сделал? — переспросила я.

— Дуреха, из-на-силовал, — произнесла подруга назидательно, почти по слогам. — Это когда он хочет, а она нет... и он ее... насильно...

— «Хочет», что? — не поняла я.

— Ты, что, совсем дура или прикидываешься? — не унималась Ириша, подозрительно глядя на меня. — Откуда, по-твоему, дети-то берутся?

Я промямлила слезную историю про «животики» и «деток».

Ириша прямо отпала!

И выдала мне свою версию «процесса» — причем, довольно в грубых выражениях.

Я была просто потрясена!

Не могла верить в то, что взрослые люди могут заниматься ТАКОЙ ГЛУПОСТЬЮ...

— Только не говори своей маме про то, что я тебе рассказала. А то убью! — пригрозила Ириша.

И показала кулак.

Я поклялась, что буду молчать, как рыба.

Поклясться-то я, конечно, поклялась, но меня не по-детски распирало.

И после ужина я вызвала маму на откровенный разговор.

Пролетела то, о чем мне только что поведала подруга, и спросила умоляюще:

— Ведь правда, что это неправда?

Мама страшно смутилась. Кажется, покраснела. И сказала только:

— Ириша тебе все грубо рассказала. А вообще-то ЭТО так же красиво, как танец!

— Мамочка, я так люблю танцевать! — воскликнула я.

Мама опустила глаза. Не нашлась, что ответить...

И больше мы к ЭТОЙ ТЕМЕ не возвращались.

Но ЭТИМ пахло в воздухе...

Пару дней я ходила сама не своя... Не могла ничем путным заняться.

И тут я увидела тебя...

Ты был мальчишкой-сорванцом, играл в индейцев, был предводителем племени Краснокожих, постреливал из самодельного лука, щеголял в забавнейшей юбочке из камышовых листьев, плавал в море, как человек-амфибия, писал записки самой красивой девочке из Ленинграда.

А я тогда не была самой красивой. Но уже была самой понимающей...

Ты удостоил меня чести стать твоей наперсницей...

Ты писал самой красивой девочке в Доме творчества записки, показывал их мне, жаловался на нее, почти плакал.

Я тебя утешала.

Она не хотела с тобой встречаться, не хотела с тобой дружить. Она на днях уезжала обратно в свой Ленинград.

Ты делился со мной своей болью, ты писал ей:

«Катя! Убегай от меня, удирай от меня, все равно я — твой! Навеки твой!»

Меня завораживали твои слова, я чувствовала их страстность, эти чувства были прямо, как в кино, как, наверное, в тех фильмах, которые назывались «детям до 16-ти» и на которые нас не пускали.

Но самые отважные из нас, и ты в их числе, вскарабкивались на дерево около открытого летнего кинотеатра, перелезали на высо-

ченный забор и с восторгом отсматривали с него запрещенное зрелище.

Потом Катя уехала, и ты стал дружить со мной. Ты полностью «переключился» на меня.

О, счастливое свойство мужской натуры!..

Тебе нравились мои длинные пепельные волосы, ты просил расплетать толстые косы, с которыми я привыкла ходить в школу, и я, конечно, расплетала их.

Благодаря тебе, я вскоре стала подружкой предводителя племени индейцев... А это было почетное звание...

И ты показал мне главное сокровище своего племени Краснокожих: серебристую шкурку ящерицы, которую вы хранили в особом тайнике, в шалаше, хранили как зеницу ока.

Потом ты вдруг сказал, что я так понимаю тебя, что ты готов на мне жениться!

Я не могла тебе ответить «нет».

Наши родители с восторгом восприняли нашу идею сыграть свадьбу.

Наш юный возраст — нам было по десять лет — их нисколько не смущал!

Правда, поразмыслив, сошлись все-таки во мнении, что жениться нам рановато.

А вот для помолвки — самое время.

Следующее яркое воспоминание детства — наша «свадьба»!

Во что бы то ни стало, срочно нужен был свадебный наряд. Но где его взять?

Мне, как знаменитой Скарлетт О'Хара, пришлось прибегнуть к фантазии и довольствоваться тем, что было под рукой: моя предшественница, помнится, смастерила себе наряд из бархатной занавески. Я же из простынки, приспособленной кружевной лентой, соорудила себе красивое платье для невесты.

Наряд дополнял цветок магнолии, вколотый в мои распущенные волосы.

К восторгу и зависти моих местных подруг, я выглядела очень счастливой, и, главное, никто не мог упрекнуть невесту в том, что она «не первой молодости».

Что было, то было!

Наши мамы приготовили угощение: изящные тарталетки и купили замысловатого вида пирожные...

Все это расставили на плетеных столиках в беседке, увитой виноградом.

Народ все прибывал.

Все были взволнованы.

Выглядело все на редкость романтично. «А теперь поцелуйтесь! — хихикнула моя подруга, поглощая пирожное. — Жених и невеста ведь всегда целуются!»

Ты не смутился, а, сверкнув своими жгучими глазами, чмокнул меня куда-то пониже уха, схватил за руку, и мы побежали в сад.

Я чуть не рухнула, запутавшись в замысловатой конструкции платья, но удержалась на ногах, ведь ты был рядом.

Следующее воспоминание того лета: мы возвращаемся из летнего кинотеатра, уже очень поздно, пахнет пряными крымскими травами, неумолчно стрекочут цикады, в воздухе разлита сладкая нега, и вдруг, у обочины дороги, в траве, замечаем тусклый, но отчетливый зеленый свет, точно гном светит в темноте волшебным фонариком.

Никогда в жизни мы, московские дети, не видели такого!

Мы подбегаем к фонарику, нам хочется понять, откуда это таинственное свечение.

«Это светлячок!» — говоришь ты восторженно и улыбаешься.

Мы пристально разглядываем удивительного светлячка-червячка.

Оказывается, у него пузико светится. Больше я ничего не помню.

В памяти какой-то провал.

Но тебя я не забыла, конечно. Я влюблялась в тебя постепенно и, при упоминании твоего имени или имени твоего знаменитого отца, кровь прилиwała к щекам.

Ты стал моей первой любовью.

Твое имя действовало на меня магически.

Я слушала музыку твоего отца. Мне казалось, это приближает меня к вашей семье.

Я мечтала только о тебе и о нашей будущей встрече.

Всем своим подружкам в Москве я рассказывала о том, как люблю тебя!

«Любишь? Но ведь вы уже поженились... — удивленно протянула моя одноклассница Нина. — А я слышала, что, когда женятся, любовь проходит...»

Через полгода, в зимние каникулы, мы снова встретились.

На сей раз в Прибалтике, в Лиелупе, ведь Дом творчества композиторов был и там.

— Вада загрипповал, — нерадостно сообщила мне твоя ослепительная мама при входе в столовую. — Но для встречи Нового года мы его реанимируем... Не беспокойся, жди... — сказала она и подмигнула мне.

Твоя мама мне всегда безумно нравилась. Она была похожа на артистку. Казалось, она принадлежала к какому-то другому, элитарному миру, который лишь изредка пересекался с нашим.

Вечером, в холле Дома творчества, она протянула мне записку и твой подарок — маленького смешного щенка с длинными трогательными ушами из кроличьего меха.

Собака — знак верности, подумала я сразу же.

В записке же стояло:

«Вика! Я болен, но, наверное, скоро выздоровлю. Пока я не могу ходить, мы будем переписываться».

Ты не сомневался во мне.

Ты написал: мы будем... Ты все решил за меня.

Я тотчас же настрочила тебе ответ.

Приложила свой подарок.

Чуть было не ринулась за тобой ухаживать.

Но номер не прошел.

На сей раз меня к тебе не пустили мои родители..

Все боялись гриппа... Эпидемии...

Я вынуждена была сдаться и отступить.

Играла с подругами, предвкушая нашу встречу.

И уже через пару дней, на Новый год, мы встретились и, конечно же, сидели рядом за праздничным столом.

Ты был с высокой температурой, и оттого еще больше рдели твои пунцовые щеки.

Ты много говорил. Я слушала.

Мечта — любого мужчины...

Ты нажимал на креветки, которые я видела впервые.

Это была середина семидесятых годов: трудно поверить, но в то время креветки в СССР в продаже отсутствовали.

А вот рачительные прибалты на Рижском взморье их выловили, на новогодний стол к композиторам водрузили...

И ты теперь их поглощал, как заправский креветкопоедатель...

Чувствовалось, что креветки для тебя не диковинка.

Я заметила, что и другие дети за столом креветки не едят. А только на них глазеют.

Я тоже протянула руку к креветке. Попыталась очистить ее полупрозрачный розовый панцирь, подражая тебе.

Неловко как-то у меня получалось. Ты же мастерски расправлялся с маленькими рачками, щелкал их, как семечки.

Наверное, они вкусные.

Но мне сейчас не до них.

По крайней мере, надо научиться их красиво чистить, чтобы не опозориться перед тобой.

В ту далекую новогоднюю ночь ты все-таки заразил меня гриппом.

И я выбыла из строя на все школьные каникулы.

Твоя мама завалила нас дефицитными в то время лекарствами.

Я тяжело болела, но в глубине души была горда: «это грипп от тебя».

Потом, перед отъездом в Москву, ты писал на запотевших окнах столовой: «Прощай, Лиелупе! Мы еще встретимся!»

И смотрел на меня своими жгучими глазами.

Я поняла: ты назначаешь мне свидание в будущем.

Прошло целых четыре года.

Мы снова приехали на Крымское побережье. И снова наши пути пересеклись.

Из смешной, болшееротой, не очень складной девочки я превратилась в стройную мечтательную девушку нимфеточного возраста.

Ты тоже сильно изменился. Загорел. Возмужал.

Всюду ходил только со своей мамой. Вы везде были вместе. Ты обнимал ее за плечи, как свою девушку.

Твоя мама носила короткие юбки, кокетливые косички цвета ржи, выглядела лет на пятнадцать моложе своего возраста.

Твой именитый отец в то лето в Крыму так и не появился.

Был востребован на музыкальном Олимпе.

Казалось, тебе так хорошо с матерью, что никто, кроме вас двоих и Черного моря, вам не нужен.

Боже, как виртуозно ты плавал! Как нырял за крабами, как прыгал с вышки!

А на меня — в этот раз никакого внимания.

Я очень переживала.

Плакала, гуляя по темным аллеям крымского парка, уходила с горя на рассвете с группами туристов в Сердоликовую бухту, собирала охапки пахучих диковинных цветов, коллекционировала жуков, улиток и бабочек, учила наизусть стихи Максимилиана Волошина, первооткрывателя здешних мест.

Моя мама, чувствуя мое состояние, сказала как-то назидательно:

«Доча, знай: в этом возрасте мальчиков интересуют женщины зрелого возраста. Это хорошо известный факт...»

Я разревелась.

Я вынуждена была смириться с твоим равнодушием.

И уехала с Крымского побережья ни с чем.

Прошло еще три года.

Нам исполнилось по семнадцать.

Шел 1982 год.

Это потом про эти годы скажут: «время застоя», а мы в этом времени просто жили. И все.

Еще один год, и нам с тобой надо будет поступать в институт. Ведь мы — ровесники.

Поступить в престижный вуз было трудно, и, чтобы добиться вожделенного высшего образования, многие шли на всевозможные уловки.

Я, например, перешла учиться в школу рабочей молодежи, устроилась курьером в одну из популярных газет, с тем чтобы и трудовой стаж шел, и времени на репетиторов для института хватало.

В силу моей молодости и покладистого характера, меня в редакции очень полюбили.

Даже наметился один поклонник — журналист из международного отдела, который обхаживал меня, как мог.

Например, я несла из цеха наборщиков раскаленные буквы для газетной полосы, а он догонял меня и шептал как бы в бреду, пытаюсь обхватить меня руками:

«Сегодня видел сон, как мы в нем любили друг друга».

Я шарахалась в сторону.

Сохранять невозмутимость удавалось не всегда.

А еще труднее было сохранять то, от чего многие мои ровесницы уже благополучно избавились, а я — нет.

Мечты о Ваде отступили перед грубыми реалиями жизни.

Моя семья переживала не лучшие времена.

Моим родителям в СССР многое не нравилось. Вначале хотели эмигрировать в Соединенные Штаты Америки, потом передумали, забрали из ОВИРа свои документы. При тоталитаризме такое не прощали.

Мою маму исключили из Союза композиторов, лишили привычной работы.

Все неудачно совпало, как это часто бывает в жизни: мне надо заканчивать школу, поступать в институт... Нужно платить репетиторам. Вот что-то одеваться. Что-то есть.

Моей маме был необходим хоть какой-то заработок. Друзья взялись помочь — под чужими именами давали маме переписывать партитуры других композиторов.

Это кропотливый труд, но заработать что-то можно.

Я поехала за спасительной работой в дом, где проживал Вада.

Никаких особых предчувствий у меня не было.

Получив папку нот для мамы, иду к метро и вдруг вижу: навстречу мне вышагивает занятого вида высокий парень. Выглядит он очень необычно: голова вся в черных кудрях, на носу очки а-ля Джон Леннон, узкие вытертые джинсы сильно контрастируют с нелепыми белыми ботинками и сам парень какой-то нездешний — некрасивый, отрешенный, но ... очаровательный...

Это же Вада!

Ва...! — не успеваю воскликнуть. А ты уже обнимаешь меня!

— Сколько лет! Сколько зим! Как ты похорошела! Что ты тут делаешь? Я слышал, у вас сложности... Вы, что, так и не решились уехать? Вот это да! Ну, вы — оригиналы... Чем ты сейчас занимаешься? Дай мне свой телефон. Надо встретиться.

Смотрю на тебя и удивляюсь: вроде, и проступают любимые черты, но как ты изменился! Ты был таким прелестным ребенком... А теперь ты... как породистый щенок... Вроде, и порода видна, да стати, красоты еще нет...

Все-таки, я ТАК рада тебя видеть... Воспоминание детства... Вот, счастье привалило.

Но веду я себя с тобой сдержанно. Именно так, как нравится мужчинам... Я кое-что смыслю в этом. Ведь мы уже не дети.

Мы болтаем с тобой какое-то время.

Ты рассказываешь мне о том, что пишешь музыку, как твой отец...

Говорят, у тебя талант. Твоим мелодиям прочат большое будущее. Ты собираешься поступать в музучилище при Консерватории. Ты очень много занимаешься, ведь раньше музыке никогда не учился. У тебя большие пробелы... Масса репетиторов. Личной жизни совсем нет. Целыми днями напролет ты сидишь за роялем. Сочиняешь. Освоил и скрипку. Это твоя жизнь. Больше для тебя ничего не существует.

Расставаться нам не хочется.

Ты какой-то родной.

Напоследок я даю тебе свой телефон.

И мы прощаемся.

Первые дни после нашей встречи я жду твоего звонка, а потом уже нет...

Проходит целых восемь месяцев.

И вот в последний день марта ты вдруг звонишь мне!

Ты говоришь, что сразу же потерял мой номер телефона, ведь у тебя в голове только музыка и ноты, а потом, с трудом, через общих знакомых, тебе удалось его восстановить.

В справочнике Союза композиторов его теперь нет.

Мы должны встретиться! Когда я могу?

Мы сразу же назначаем свидание вечером «на фоне Пушкина», как пел когда-то любимый мною Окуджава.

И уже через пару часов я мчусь к тебе на встречу.

Ты одиноко стоишь под крупными снежинками.

Ты видишь меня и смотришь с какой-то детской нежностью. Ты снял очки, чтобы мне понравиться.

Как пахнет весной! Но еще лежит снег...

И лужи подморожены кромкой льда.

Уже зажгли фонари на улице Горького, освещение, как в театральной постановке, и это придает нашей встрече оттенок неправдоподобия... Мы идем вместе по Тверскому бульвару.

Доходим до Никитских ворот.

Мне хорошо рядом с тобой.

Наш роман начинается.

Теперь мы встречаемся каждый день. Гуляем вместе по весенней Москве, рука в руке.

Ты встречаешь меня у школы после моих вечерних занятий.

Ты приносишь мне в подарок моего любимого шоколадного зайца.

Я почти сразу же съедаю зайца, а заячьи уши — шоколадный слиток — оставляю в фольге на «потом», когда мы расстанемся и мне будет плохо без тебя.

Ты никогда не провожаешь меня до моего дома.

Я живу далеко, а ты на Проспекте Мира, и тебя всегда ждет дома строгая мама, она волнуется...

Ты скрываешь ото всех наши свидания, я же, наоборот, рассказываю своим подружкам о тебе, я хочу поделиться с ними своей радостью, ведь я так счастлива!

Девчонки-одноклассницы пробалтываются учительнице русского языка, с кем я встречаюсь... Услышав твою знаменитую фамилию, учительница проникается безграничным уважением ко мне, ставит только хорошие оценки, смотрит на меня с нескрываемым восхищением.

Слава твоего отца коснулась и меня.

Наши родители творят дома, на службу, как простые смертные, не ходят, и нам совершенно негде встречаться.

В кафе или кино ты меня не приглашаешь, наверное, у тебя нет денег, ведь ты еще школьник...

Мы просто гуляем по улицам, как заведенные.

Когда мы замерзаем, спасают подъезды — извечное прибежище бездомных влюбленных.

Стоим, тесно прижавшись друг к другу. Ты хочешь, но стесняешься меня поцеловать. Тыкаешься мне в лицо холодным носом. Ты

говоришь: «Детка, я даже не могу воспринимать тебя как девочку. Ты для меня...» — и показываешь рукой на Небо.

У тебя обветренные губы. Мы с тобой и целоваться-то толком не умеем, но это такие сильные ощущения!

Быть рядом с тобой — это сказка!

От тебя пахнет как-то небывало: нотной бумагой, футляром от скрипки, сладким табаком.

Я полностью растворяюсь в тебе... Это особое свойство моей природы.

Кажется, мы с тобой вот-вот рванем туда, куда ты только что показал рукой. Я чувствую необыкновенную полноту жизни, это то, для чего я пришла на этот свет.

Ты говоришь тихо, почти полупшепотом: «Я буду тебя очень беречь, детка... Я только о тебе и думаю...» Обнимаешь меня все крепче... И добавляешь, уже с другой интонацией:

«Только ты и родители, а больше у меня никого нет»...

Вдруг мы слышим: скрипнула дверь... Кто-то входит в подъезд. Направляется к лестнице.

Мы отстраняемся друг от друга.

Я возвращаюсь на землю, вернее плюхаюсь на нее с высоты.

Смотрю на часы. Ничего не вижу. В подъезде почти полностью темно.

Ты зажигаешь спичку, говоришь своим волшебным голосом: «Около одиннадцати. Надо разбежаться. Наши родители, наверное, уже в ауте...»

Это было такое модное слово. Оно обозначало у тебя крайнюю точку кипения.

Я еду домой, окрыленная.

Я знаю, завтра ты позвонишь мне, и мы снова встретимся.

Но я ошиблась.

Ты не звонил почти месяц.

Правда, когда, наконец, позвонил, сказал, как и раньше, что только обо мне и думаешь.

У тебя всегда была такая манера: звонить-звонить, а потом пропадать, иногда надолго.

Моя жизнь превратилась в сплошное ожидание.

Твой голос мне даже снился!

Мобильных телефонов тогда еще и в помине не было, и я боялась выходить из дома, чтобы не пропустить твой звонок.

Я напевала песенку «Позвони мне, позвони!», она как раз становилась тогда популярной, но телефон молчал.

Мне бы в институт готовиться, грызть гранит науки, а я только о тебе и мечтала.

Стала слушать классическую музыку: Брамса, Вагнера, Бетховена — твоих любимых композиторов.

Всем своим кавалерам дала от ворот-поворот.

Я хранила себя для тебя, ведь ты просил меня об этом:

«Береги себя! Еще немножечко побереги...»

Или: «Пожалуйста, не выходи замуж. Подожди! Ведь пять-то лет тебе точно не о чем беспокоиться». «Нет, года три...» — поправляла я тебя. Меня не вдохновляла перспектива «засидеться в девках».

И, конечно, я хотела подтолкнуть тебя к решительным действиям. Наивная!

«Хорошо, пусть будет три», — мгновенно соглашался ты.

Ты говорил мне проникновенно: «Я обнимаю тебя, прямо как свою мамочку, чтобы никто-никто другой не тронул».

Я немного удивлялась, слыша эти слова, но была даже горда, я знала, что для тебя значит твоя мать.

Такое сравнение — высшее признание.

Твоя семья казалась мне на редкость дружной:

Твой знаменитый отец женился на твоей матери — физику по образованию, когда его слава только набирала мощь. Привез ее в Москву с берегов Невы, и при нем, насколько я знаю, она больше никогда не работала.

Посвятила себя семье. Была незаменимым помощником твоего отца, заботливой хозяйкой большого дома, усердной матерью. Ты говорил, что тебе нужна такая же жена, какой была твоя мама.

Ты считал, что она очень строгая, но что она «всегда права».

Ты объяснял мне, что не можешь сказать дома, что встречаешься с девушкой. Может, это и странно, но ты так воспитан.

Я не возражала.

Ты лучше знаешь законы своей семьи.

Вы в семье называли друг друга «Душками».

Это было так мило!

А сейчас ты не звонишь потому, что очень занят. Заканчиваешь школу, готовишься к поступлению в Мерзляковку.

Не до того тебе.

...Тебя долго не было... А я ждала. Жила как-то.

Даже похорошела. Наполнилась соками любви.

Как-то раздался звонок. Ты спросил лаконично: «Ты что? Сидишь?» «Да, а что?» — ответила я и села в кресло...

«Дышите глубже, вы взволнованы», — приказал ты на другом конце провода.

Ты любил пошутить.

Иногда смешил меня до колик в животе.

Но на этот раз твой голос показался мне встревоженным.

«Слушай, я тут стал инвалидом, но все равно хочу тебя видеть. Ты свободна сегодня?»

«Инвалидом? А что с тобой?»

«Понимаешь, тут произошла одна жуткая история».

Я похолодела, а ты продолжал нарочито беззаботным тоном:

«Родители уехали на гастроли в Париж. Я остался с бабушкой. Делал деревянные полки в кухню, строгал циркулярной пилой. И отрубил себе палец. Все бы ничего, но я теперь совсем не могу играть на скрипке и наверняка срежусь на экзаменах в училище. Вся моя подготовка пошла насмарку... Это какой-то рок. Мои еще ничего не знают...»

Я тотчас рванула к тебе.

Меня поразило вот что: кажется, так любишь человека, желаешь ему только добра, а с ним в это время такие страшные вещи случаются...

А еще говорят: любовь защищает, как броня.

Я подъехала на такси прямо к твоему дому. Тут уж не до женской гордости.

Сплошной экстрим.

«Ты стала еще красивей!» — воскликнул ты при встрече.

Твоя правая рука — в кожаной перчатке.

Врачи из «Скорой» нарастили тебе бинтом палец, чтобы бабушка ни о чем не догадалась.

«Если бы они этого не сделали, у меня бы не было ни пальца, ни бабушки»... — сказал ты мне.

Тебе нужна была моя поддержка. Ты был таким потерянным, таким на себя непохожим... Мое сердце переполнилось нежностью.

Я бы все на свете для тебя сделала!

И ты знал это.

«Спасибо тебе, дорогая! — сказал ты сентиментально.

Я взяла твою руку в перчатке и поцеловала.

«Ты можешь и еще что-нибудь другое поцеловать» — усмехнулась ты...

Вскоре ты впервые пригласил меня к себе домой. Ты был один.

Родители снова в отъезде.

Я увидела вашу просторную квартиру. В холле — большой овальный стол для приема гостей — дань кавказскому гостеприимству твоего отца, в гостиной — много фотографий известных людей, картин маститых современных художников.

В доме все сделано руками твоей матери: бросалось в глаза обилие сухих цветов, клетчатых занавесок, разнокалиберных сувениров, привезенных со всего света.

На столиках и столах розовели фарфоровые статуэтки.

Запомнился кабинет твоего отца с громоздким письменным столом, на нем возвышался мужественный торс Наполеона.

Я знала, что твой отец недавно посвятил свою симфонию Бонапарту.

— Наш с мамой подарок, — пояснил ты, указывая на знаменитого француза, и, открыв дверь, за которой кто-то царапался, познакомил меня с милейшим членом вашей семьи — черным пуделем по имени СОЛЬВЕЙГ.

Собака подбежала ко мне, обнюхала мои туфли и джинсы. Я боялась, что они пахнут моей кошкой Асей и вызовут у вашей любимицы чувство отторжения. Напрасно! Она не выразила ни малейшего недовольства. Одна «девочка» признала двух других.

Мы сидели на кожаном диване в кабинете твоего отца и наслаждались обществом друг друга!

Наконец-то мы одни, да еще в домашней обстановке.

Мечты сбываются!

Ты говоришь необыкновенно ласково:

— Когда я смотрю на твое лицо, мне это доставляет эстетическое удовольствие.

Я тону в твоих глазах.

Ты ведешь себя, как опытный Дон Жуан.

Я молниеносно оказываюсь на диване.

Ты делаешь так, чтобы МНЕ было хорошо.

У тебя руки музыканта.

Эти первые в жизни прикосновения — так остры...

Все, о чем я читала в книгах «про любовь», ничто по сравнению с тем, что сейчас происходит.

Я хочу быть с тобой по-настоящему, но ужасно боюсь этого момента.

Ты все понимаешь без слов... Ни на чем не настаиваешь...

Я и так была на вершине целых два раза...

Горячая девочка.

Это ты сделал меня такой!

...Довольная и счастливая, я уезжаю вечером к себе домой. Ты провожаешь меня до метро вместе с СОЛЬВЕЙГ.

Машешь на прощанье рукой. Я уезжаю вниз, по эскалатору. Какой же ты чудесный!

Наши свидания продолжаются. Иногда мы даже встречаемся по два раза в день.

После каждой встречи — у меня вырастают крылья!

Как-то летом гуляем с тобой в сквере на Площади Ногина: ты принес с собой довольно большой магнитофон. С музыкой. Специально для меня. Одеваешь мне наушники: слушай!.. Божественная музыка идет мне прямо в мозг, заполняет собой все мое внутреннее пространство. И внешнее — тоже.

Исчезают люди, машины, все...

Я закрываю глаза и чувствую, как твои жесткие кудри касаются моей щеки.

Твоя близость мне удивительно приятна.

Наушники сидят на мне как-то неловко. Ты поправляешь их.

Восклицаешь нежно: «Какая малышечка! Даже наушники ей велики!..»

Ты принес мне музыку... Ты хочешь, чтобы я жила тем же, чем и ты.

У нас много общих знакомых.

Ты по натуре закрытый человек, но, если говоришь кому-то обо мне, то в превосходной степени.

«Вот кто будет мне прекрасной женой, так это Вика».

Я очень хочу стать твоей женой, но, наверное, мы еще слишком молоды.

В конце 1982 года тяжело заболевает популярный в недалеком прошлом композитор К., ученик твоего отца, общий друг наших с тобой родителей. Когда-то он ухаживал за моей мамой, у них была студенческая любовь, но они расстались.

Похоже, дни К. сочтены... Моя мама по старой памяти навещает его в больнице.

Он просит передать подарок твоему отцу — кассету с записью своего последнего сольного концерта.

Волею судеб я попадаю в вашу семью.

И твои родители очень радушно меня принимают: мы пьем чай с вареньем из фейхоа, разговариваем обо всем на свете.

Твоя мама называет меня «солнышком» и просит быть у вас в гостях «долго-долго».

Уже поздний вечер.

Вы с отцом довозите меня до моего отдаленного района на своем автомобиле. Это выше моих ожиданий.

Мы с тобой сидим на заднем сиденье машины, ты все время держишь в своей мою руку.

Твой отец замечает это и покровительственно улыбается нам в зеркало.

На следующий день ты звонишь и сообщаем радостно, что я очень понравилась твоим родителям!

Теперь я уверена: они — наши союзники, что бы ты о них ни говорил.

Вскоре узнаем и ужасное:

К. скончался именно в тот вечер, когда я была у вас в гостях!

В этом видится особый смысл:

К. сожалеет, что его личная жизнь так и не сложилась, и благословляет нас быть вместе, уходя в небытие.

Любовь вдохновляет меня на подвиги: я легко поступаю в сложный гуманитарный институт.

Ты тоже становишься студентом престижного Мерзляковского училища. Тебя принимают сразу на третий курс.

Не зря ты столько занимался, «гнал» материал...

Все хорошо, но ведешь ты себя странно...

Наверное, у тебя новая студенческая жизнь, другие интересы...

От моего института до твоего минут 15 пешком.

И все-таки это непреодолимое расстояние.

Один раз мы встретились с тобой случайно. В многомиллионной Москве бывает и такое.

Ты, вроде бы, очень рад, но снова весь заполнен только музыкой.

Отстранен от мирских привязанностей.

Уверяешь меня, что сутками сидишь за роялем и сочиняешь. Никуда не ходишь, ни с кем не общаешься. «Муки творчества» — вот как можно назвать твое состояние. «Ты представляешь, — говоришь мне ты, — в моей голове все время звучат мелодии, а когда я подбегаю к роялю, то ничего не могу. Это так ужасно...»

Я тебе верю. Нам надо как-то ужиться втроем: Ты, Я и Музыка...

Потом ты провожаешь меня до моего института по скользкому тротуару, вдоль домов.

Ты, как всегда, галантен и обаятелен. Ты точно оттаиваешь в моем присутствии. Ты красиво ухаживаешь за мной. Ты называешь себя моим старым поклонником...

Твоя рука в особой перчатке, но это придает тебе дополнительную загадочность, как когда-то Байрону — трость.

Увлеченные беседой, мы не замечаем, что в этот момент с крыш сбрасывают наледь. Здоровая глыба льда летит прямо на меня. Ты вовремя оттаскиваешь меня за плечи, и я успеваю увернуться.

Повезло!

Страх быстро проходит. Мы покатываемся со смеху!

Мы — такие молодые...

Ты говоришь серьезные вещи: про то, что «хочешь проснуться со мной на даче». Ты строишь планы нашей совместной жизни. Мы должны жить отдельно от родителей, ты будешь зарабатывать деньги. У тебя отличные перспективы как у композитора...

Это именно то, что я так хочу от тебя услышать!

Потом, месяца через два, мы встретились под Москвой на студенческих зимних каникулах.

Сначала все прекрасно.

Ты музицируешь в Актовом зале Дома творчества композиторов, сажаешь меня к себе на колени, продолжаешь играть мелодию Брамса сквозь меня, точно я прозрачная...

Я не мешаю, а помогаю тебе нажимать на клавиши.

Музыка — твоя судьба. А ты, наверное, гений.

Твоя мама ведет себя со мной, как подруга. Явно поощряет наши отношения.

Нам уже по 18, но какие же мы с тобой инфантильные!

Снова приехали отдыхать вместе с родителями, снова нам негде уединиться.

Сильный мороз, поздний вечер, а мы прогуливаемся под окнами корпуса Дома творчества.

Нам больше некуда пойти.

Все утопает в сугробах. Воздух необыкновенно свежий, звенящий.

Это не Москва.

У тебя пунцовые щеки.

Чтобы ноги полностью не ооченели, я пританцовываю на льду.

Ты нервно куришь.

Наконец, видим: моя мама выходит из нашего корпуса, идет кино смотреть.

Освобождает нам территорию.

Какая догадливая!

Мы сразу же бежим в мой номер. Я быстро сбрасываю с себя теплые вещи, наряжаюсь в самое красивое платье.

Ты смотришь влюбленно: «Викочка, как ты хороша! И какой я счастливец!»

Ты согреваешь мои заледеневшие руки.

Какой ты горячий! Ты точно пышешь жаром...

Ты пылкий. Смелый. Мужественный.

Это, наверное, дает о себе знать твой кавказский темперамент.

Я уже ничего не боюсь! Ведь когда-то «это» должно произойти.

Я хочу подарить тебе свою невинность.

Быть с тобой — это не глупость, не распушенность, а давняя мечта, сбывшееся чудо.

Мы уже почти вместе... Мне больно...

Что-то горячее захлестывает меня изнутри... Заливает снизу...

И вдруг стук в дверь!

Мы хватаем одежду. Начинаем судорожно одеваться.

Оказывается, прошло уже два часа. А мы и не заметили.

Моя мама вернулась после киносеанса.

«Процесс деланья» меня женщиной пошел, но не окончен.

Я с удивлением замечаю красное пятно на казенном покрывале Дома творчества.

— Это откуда? — спрашиваю тебя полушепотом...

— Оттуда! — улыбаешься ты озорно.

...А потом все стало плохо. Тебя точно подменили.

Ты стал меня избегать.

То ли испугался, решил, что я — слишком большая ответственность, то ли расхотел, ведь тебе «сломали кайф»...

Вы с семьей уехали из Дома творчества раньше положенного срока.

Точно удрали...

Помню: я выбежала из корпуса, чтобы проводить тебя, и увидела лишь подтаявший след от машины на снегу.

Машины твоего отца...

Горло саднило... Свет померк.

Все сразу стало напрасным. Никчемным.

Но мне казалось, что это не конец наших отношений. Не может ЭТО быть концом.

Надо только подождать и пока как-то жить дальше. Без тебя.

Я где-то вычитала истину: жизнь длиннее, чем любовь.

...Ты больше не появлялся. Ждать тебя еще, неизвестно сколько, — не было мочи.

И через три года я вышла замуж за симпатичного многообещающего парня.

Ты, конечно же, вскоре узнал об этом. Спросил у общих знакомых: «Она счастлива?»

Услышав утвердительный ответ, уточнил: «И что же, нет никаких проблем?»

«Ну, почему же? Проблемы есть, — ответили тебе, — например, у Викиного мужа нейродермит».

«Пусть с ним разведется и выйдет замуж за меня. У меня нет нейродермита!» — мгновенно парировал ты.

Мы с мужем разошлись через десять лет. Так уж получилось.

Развестись — проще всего. Сложнее — сохранить отношения.

Я снова стала свободной. Жила одна. Много работала.

Ты привил мне любовь к классической музыке. Перепоручил меня ей. Я часто ходила на концерты.

Как-то в консерватории встретила твоих родителей. Мы с твоей мамой обрадовались друг другу. Она рассказала, что теперь у нее свой музей кукол на Ордынке. Она все организовала сама. Ходит в музей как на работу.

Узнав из разговора, что я теперь без мужа, совсем потеплела. Пригласила зайти.

«Вада тоже один... Все никак не может найти то, что ему нужно. Просто какое-то невезение. Появляйся у нас! Думаю, сын будет очень рад!»

Надо было спасать человека, у которого сплошное невезение.

Но хотелось как-то все прилично обставить, прежде чем снова возникнуть на твоём горизонте.

Ты был так непрост... И, наверное, с годами еще усложнился...

Ты по-прежнему очень много для меня значил.

Я была рада, что ты тоже свободен. Мой развод уже не воспринимался мной как трагедия.

Может, мы, наконец, сможем быть вместе? Вдруг это — судьба?!

Первая любовь не ржавеет... Это умные люди придумали.

Если чего-то очень хочешь, только об этом и думаешь, это происходит.

Ты как будто притягиваешь желаемую ситуацию. И она материализуется.

Так пишут в модных книжках по психологии.

У меня в жизни было три заветных желания: стать балериной, быть твоей женой и родить хотя бы одного ребенка.

Все по нулям.

Наверное, я слишком сильно хотела всего этого, создавала, согласно Вадиму Зеланду, избыточные потенциалы...

Всего нет ни у кого. Это ясно.

Одна неординарная образованная женщина написала с горькой иронией: «Если бы все мои желания исполнялись, я была бы чудовищем...»

Может, это и так, но я, например, очень упрямая. Если чего-то хочу, иду напролом.

Неукоснительно — к своей цели. Вот такая я.

Позвонила твоей маме. Договорились, что скоро я приду в ее кукольный музей.

Но зачем? Просто так идти довольно нелепо. Детей, для которых он создан, у меня нет.

Сама я в куклы давно не играю.

Тогда я придумала следующее:

выпросила у моей мамы семейную реликвию — старенького плюшевого медвежонка военных лет, который прошел с ней всю эвакуацию.

Для авторского музея на Ордынке.

Твоя мама встретила меня почти как родную. Ее милость по-прежнему была при ней.

Музей мне очень понравился своей атмосферой. Дышалось здесь легко, хотелось задержаться надолго. Это был какой-то оазис в суетливой, не всегда приветливой Москве. Прекрасный мир безоблачного детства, мир сказок, принцев и принцесс.

В музее экспонировались и старинные куклы в кружевных платьях, с фарфоровыми личиками, представляющие историческую ценность, и «народные» тряпичные игрушки с занятными подвижными ножками в лапоточках, и комичные куклы, изображающие современных политиков.

Плюшевые мишки тоже, конечно, были, но в ограниченном количестве.

И наш «фамильный» мишутка занял в музее достойное место.

Твоя мама смотрела на меня с надеждой. Она явно что-то задумала. Спросила: «У тебя время есть?» И, услышав утвердительный ответ, стала набирать чей-то номер...

Я догадалась: ты на проводе.

«Вадочка, а у меня для тебя сюрприз... Жди гостей».

Твоя мама всегда была решительной женщиной.

Мы сели в ее машину и уже через минут пятнадцать были у тебя.

С тобой мы не виделись энное количество времени, но оба пребывали в том счастливом возрасте, когда еще «все возможно»...

Я уже была разведена. А ты все еще свободен.

Ты нас встретил как-то недружелюбно... «Батюшки!» — только и смог промолвить, увидев меня.

Ты был не в духе. Сочинял музыку, а мы тебя отвлекли.

Попили чайку. Обменялись телефонами.

Я поспешила откланяться.

Твоя мама попыталась сгладить твою холодность, ушла от тебя вместе со мной.

В лифте сжала мое запястье: «Вадка — гений, одержимый музыкой человек. Ты должна понять это. С ним не так, как с обычным мужчиной. Он о-очень рад тебя видеть, просто у него неважное настроение, ведь мы нагрнули как снег на голову... Когда вы с ним встретитесь тет-а-тет, все будет по-другому. Он — тот, кто тебе сейчас нужен!»

Скажи: твоей матери ведь можно верить, да? У тебя с ней связь суперсенсорная... Она чувствует тебя, как никто. И она твой самый близкий друг... Ты мне всегда говорил об этом.

Вскоре я тебе позвонила. Ты отвечал заинтересованно и ласково. Я узнавала знакомые интонации твоего голоса.

Ты мне сказал, что соорудил удобное кресло для нашего музейного мишутки, пообещал пригласить меня в гости, когда закончишь ремонт.

Вскоре ты приехал ко мне собственной персоной. И с бутылкой красного вина.

Мы встретились как добрые старые знакомые. Сели на мой любимый диван.

Рассказывали друг другу о других, рухнувших отношениях. Тебя, оказывается, недавно бросила французенка, а ведь ты был готов на ней жениться. От меня ушел муж.

Нас, как всегда, многое объединяло. Было, о чем поговорить. Я спросила, жива ли собака СОЛЬВЕЙГ. Мне казалось: если да, то, значит, живы и наши прошлые отношения. Все еще можно вернуть. Ты почувствовал, что задала я этот вопрос не просто так. И, понурившись, мотнул головой. Помолчал и ответил довольно жестко:

— Собаки столько не живут...

Мне, сколько себя помню, было очень хорошо с тобой. Легко и радостно. И сейчас я испытывала странное чувство: вот сидит рядом человек и он весь тебе нравится. Целиком.

И он — любовь всей твоей жизни.

В юности, во время наших первых «взрослых» встреч, я записала в своем дневнике: «Я так люблю его, что, мне кажется, каждая клеточка моего тела знает об этом».

А что чувствовал ты?! Тогда и потом? Это осталось для меня тайной.

После той нашей последней встречи прошли годы, и они развели нас бесповоротно.

Но любовь, говорят, не исчезает.

Теперь я точно знаю, что она длиннее, чем жизнь.

Даже если влюбленные расстались, их любовь растворяется во Вселенной и делает мир лучше.

Это знание утешает меня.

Ведь у нас с тобой так ничего и не склеилось.

Может быть, и правда, тебе нужна только музыка.

К ней я не ревную.

СВЕТЛАНА БОГДАНОВА

ИСТОРИЯ ДЛЯ ЭМИЛИ

Рассказ

ПРЕЗАН (PRÉSENT)

— У Жерара отменный вкус, он настоящий художник, так о нем говорит мсье Форган, владелец «Лё Котона». И он прав, Жерар любит красивое, — рассуждаю я. Эмили смотрит на меня своими темными блестящими глазами, и, когда я запинаясь, подсказывает мне. И хотя она меня младше на пятнадцать лет, у меня возникает чувство, что она — моя первая учительница, настоящая, выбранная мной, а не выданная мне школой — по месту проживания. Хотя... Почему бы и нет? Мое новое место проживания — здесь. А Эмили явно справляется с тем, что стала очередной материнской фигурой для нескольких взрослых людей из разных стран. В нашей группе есть японцы, корейцы, американцы, бразильцы, русские... И даже один камбоджиец. И все мы смотрим на Эмили снизу вверх, словно дети, которые едва научились произносить отдельные слова, и она благосклонна к нам, она осеняет нас заботой, взмахивает над нами руками, когда хочет нам что-то объяснить (о, поверьте, с нашим скудным словарным запасом это — подлинный театр одного актера!), терпит нас и любит, и мечтает, чтобы мы в ответ разделили ее любовь к французскому.

Я смущаюсь. Я самая старшая в группе, и мне приходится особенно усердно учиться, чтобы не отставать. Так я думаю. Однако из-за своей настойчивости я оказываюсь лучшей ученицей — вместе с еще более настойчивой Аяко, японкой, которая часами сидит в лингафонном кабинете и довольно лихо избавляется от своего удивительного японского акцента — то сжимающего, то растягивающего звуки, делающего из легкой и раскатистой французской кисеи какую-то дырявую изношенную ткань — без единой гладкой петельки «эль», но с комками и затыжками в виде едва произносимых, стрекочущих «эр».

— Как тебя зовут? — спрашивает меня Аяко.

— Светлана, — отвечаю я.

— Как-как? — она искренне не понимает, что я только что сказала. И я, вспомнив уроки японской каллиграфии, поясняю: — Су-ве-ту-ра-на.

На лице Аяко появляется улыбка узнавания, она меня не только поняла, но и запомнила мое имя!

Каждое утро я сажусь с тетрадкой и словарем у окна мансарды на улице Кондорсэ и пишу по-французски историю, которую вечером рассказываю Эмили, бессовестно пользуясь ее временем и ее вниманием преподавателя, ведь мы с ней теперь подружились. И Эмили слушает меня, поправляя лишь тогда, когда я и впрямь запинаясь, и удивляясь тому, что я так много знаю про Париж. И не только.

ФУТЮР СЭМПЛЬ (FUTUR SIMPLE)

«Я вижу, как Большая Ма грузно вздыхает и пытается пошевелить своими мохнатыми лапами, словно бы надеясь раздвинуть стены подземелья. Здесь есть колонны, и они ей явно мешают расправиться, вытянуться, почувствовать себя легче и свободнее. Штукатурка на сводах топорщится, она напоминает растрепанную чешую рыбы, которую крепко зажал в руке торговец с рынка на Барбесе (другой рукой он быстро счищает ножом остатки серебрястых пластинок с пропитанного морем тела, уже больше никому не принадлежащего). Большая Ма поднимает лапу и ярко-малиновым накрашенным когтем скребет штукатурку, надеясь, что там, под старой краской, не обновлявшейся лет двести, обнаружится вкусная рыбья мякоть. Ах, вот бы сейчас съесть несколько шашлычков-брошетов, истекающих вкуснейшим жиром!.. Большая Ма голодна. Но это ничего. Скоро придет Жерар и принесет ей вечернюю корзину со снедью.

Здесь будет все, что лавочники обычно выставляют после закрытия на тротуары — в надежде, что эту еду утащат клошары — в свое логово на правом берегу Сены — туда, где собираются ночами отбросы всего Парижа, чтобы дать повод начинающим писателям из Латинского квартала хотя бы что-то напечатать в их негаси-

мых гаджетах. Когда Жерар проходится по улицам у подножия Монмартра, клошарам там ничего не остается. Теперь им следует искать съестное у Опера или в районе бульвара Севастополь. Зато все эти удивительные яства радуют Большую Ма, которой, вообще-то, так себе живется в подземельях нового белого храма, похожего на бледный, налитый ядовитым молочным соком, гриб.

— Что сегодня? — спросит Большая Ма.

— Два багета, киш с брокколи, и — представляешь — достался один миндальный круассан, правда, надкусанный, — начнет перечислять Жерар.

— А на Барбесе что-нибудь нашел? — спросит Большая Ма.

— Рыбы не было, — пожмет плечами Жерар.

— Ах, как жаль, — прошипит Большая Ма, дернет своими мохнатыми лапами (вот еще один лепесток штукатурки опустился на пол, на нем — чей-то старинный глаз, смоченный мученической слезой).

— Зато был целый пакет мидий. Большой пучок салата и пластиковый контейнер с маслинами, — Жерар будет медленно разглядывать свой улов, и в животе у него начнется рокот.

— М-м-м, — мечтательно протянет Большая Ма. — Можно соорудить салат «а-ля бержер», а сыра не было?

— Посмотрим, — задумчиво возвестит Жерар и зашуршит пакетами. — Сыра нет, но есть парижский «лё сандвич», можем его распатронить, внутри наверняка сыр.

— И ветчина, — все так же мечтательно продолжит Большая Ма.

ПРЕЗАН (PRÉSENT)

Я рассказываю свою историю, пока мы с Эмили стоим в метро на «Виктор Гюго» (парижане произносят «Виктор Уго») и ждем поезда. Тот опаздывает — по местным меркам, он должен был прийти еще две минуты назад, и Эмили недовольно ворчит:

— Безобразие, мы платим за время, покупаем билетик на полчаса, а они съедают наши минуты...

— Ох, Эмили, — смеюсь я. — Трэ франсэ, как это по-французски! Приезжай в Москву, у нас поезда ходят, как по расписанию, и,

купив билетик, ты можешь кататься на метро хоть круглые сутки... не выходя в город.

— Правда? — темные глаза Эмили расширились, крупные красные губы приоткрылись. Сегодня она особенно похожа на маленькую девочку, кругленькая, полноватая, с распущенными волосами и обручем, украшающим ее макушку крошечными игривым бантиком. Такие же бантики — на ее туфлях. Если Эмили уменьшить раз в пятнадцать, она станет пухленькой викторианской куколкой.

— Конечно, правда, — отвечаю я, и тут приезжает наш поезд, открывается дверь, и я вижу музыканта — как в знаменитом пиксаровском мультфильме: в руках у него труба, за спиной — барабан с тарелкой, лихо соединенные с его правой ногой. С такой конструкцией достаточно притопывать в такт, и выходит сносная перкуссия. Осторожно, двери закрываются, мы с Эмили переглядываемся, но ничего не успеваем сказать друг другу: музыкант принимается за «Ла ви ан розе», «Жизнь в розовом свете», и я, как всегда, чувствую, что это знак, обещание лучшего, того, что моя парижская жизнь еще будет длиться какое-то время, пока я не скажу «хватит». Но смогу ли я это сказать?..

Мелочи у меня нет. Музыкант обходит вагон, и я протягиваю ему неиспользованный билетик на метро, и он удивленно спрашивает меня, «эске сэ валидэ», «этот билетик действительный», а я развязно отвечаю ему «уэ» — вместо вежливого «уи», чтобы только почувствовать себя не слишком туристкой, чтобы на мгновение стать законной частью этой беспечной подземной жизни — в розовом свете.

ЭМПАРФЭ (IMPARFAIT)

Сегодня Жерар неплохо поработал. Ему удалось продать целых двенадцать веревочных браслетов. Как и другие продавцы, он поджидал свою добычу у выхода с фуникулера. Хотя, конечно, он — самый шикарный продавец веревочных браслетов. И если его друзья привыкли налетать на туристов с криками: «Привет! Вы откуда?» — то Жерар подходил к своей работе с особым чувством, используя те нехитрые магические приемчики, которым его научила Большая Ма.

— Мадам, вы уже пили кофе? — спрашивал Жерар и улыбался во весь рот неприступной американке, которая видела в нем... нет, не торговца браслетиками. А импозантного молодого человека в хорошем костюме. Откуда ей было знать, что костюм этот — не за шестьсот, а за шестьдесят евро — он купил в одном из самых мрачных магазинчиков на бульваре Мажента? Изысканного кофейного цвета, делающего кожу Жерара еще более гладкой и смуглой. Шелковистая ткань, хорошие швы, и неважно, что это — вискоза с полиэстером. Костюм и Жерар были просто созданы друг для друга, гладкие, утонченные, хорошо друг к другу подогнанные, точно узкие плитки шоколада — такие подают к кофе в одной-единственной, никому не известной булочной на площади Лино Вентура. — Мадам, вы уже пили кофе? — и мадам улыбалась, не ведая, что ее улыбка — самое лучшее приглашение, написанное дорогими чернилами на тисненой бумаге, да украшенное золотым вензелем, — самое лучшее приглашение для хищного продавца.

— Уже пила, спасибо, — из-под изящных кофейных рукавов выглядывают манжеты сдержанного янтарного цвета, это любимая рубашка Жерара, его наперсница и его талисман. Продавец из того же мрачного магазинчика на Мажента как-то с уважением сказал, что это — настоящий винтаж, и Жерар обрадовался редкому пьянящему слову, способному породнить старую дедову вещь с роскошными виноградниками Реймса. Рубашка, исходившая острыми пузырьками блан-дё-блан и овеваемая солнечным ветром Африки: дед Жерара был человеком-оркестром, он играл на трубе и одновременно бил в африканский барабан в одном из богемных клубов — кажется, Хаммамета, — в семидесятые. Мадам не могла не заметить! Янтарные манжеты, а под ними — на смуглой коже — сдержанный золотой браслет дорогих часов. Нет, это, конечно, подделка. Но хорошая подделка.

— Тогда, может быть, вы хотели бы, чтобы я показал вам, где находится музей Сальвадора Дали? — интересуется Жерар и непроизвольно встряхивает браслетом. Она увидела.

— Тот, наверху? — снова улыбка. — Я же только что оттуда.

— О, в таком случае вас очарует Музей наивного искусства, посмотрите, пожалуйста, он слева от вас. Кстати, там прекрасный книжный магазинчик, и чтобы в него попасть, билет покупать

не нужно! — Жерар упивается ее вниманием. Но и не забывает главного. Как учила его Большая Ма, он мельком, легко, точно мотылек, взмахивающий крылышками, поглядывает на перламутрово-серое небо.

— Я не люблю наивное искусство, — признается мадам, и на удивление никуда не уходит, а ждет следующей реплики темнокожего красавца.

— Тогда, вероятно, Музей романтической жизни? Это бесплатно, только сегодня, только для вас! — Жерар наклоняет голову набок и ослепительно улыбается. — Жорж Санд, Фредерик Шопен, изумительная музыка и локоны волос влюбленных, — он застывает и ждет. И она, очарованная, кивает. Но снова — неприметный взгляд вверх, перламутр загустел, налился темной синевой жемчуга. Взмах крылышек, однако мотылек еще не взлетел, он словно бы застыл в вязкой смоле, еще взмах, сильнее, из последних сил — ввысь, над платанами, над молочными грибами Сакре-Кёр, над всем Монмартром разом... Но что это — силы будто оставили Жерара, на смуглые щеки медленно осыпается серебристая пыльца. Мотылек превратился в прозрачную пленку, и с неба обрушился ливень.

Иностранка вскрикнула и свернулась в улитку, словно ее поливали водой не сверху, а сбоку, под углом, стальным, несгибаемым душем Шарко. Жерар, ничуть не смутившись, галантно изогнулся, и вот уже они оба шлепают по залитому наотмашь тротуару под огромным иссиня-черным зонтом — вниз, вниз, к Пигаль, и ниже, к улице Шапталъ, мимо помутневших от пара стекол брассри, мимо красных дверей, мимо старых окон, украшенных рамками ар-нуво, — окон, за которыми можно обнаружить едва видимое неподвижное лицо очередной мадамы, ярко покрашенное, холодное, его искажает гримаса бешенства, когда случайный турист останавливается и замирает, силясь понять, кукла то или живая женщина, и, не дай бог, сфотографировать...

ПАССЭ КОМПОЗЭ (PASSÉ COMPOSÉ)

Наши занятия перенесли на вторую половину дня, и каждое утро теперь я могла гулять по городу, выискивая необычные места, из тех, что не вошли в популярные туристические справочники. Для меня почему-то важна была именно исключительность моих находок, что-то такое, что никогда не успевали увидеть те, кто приезжал в Париж на неделю, или на десять дней. Так я наткнулась на древнеримский амфитеатр Лютеции (две тысячи лет назад Париж назывался Лютецией), крутой, полуразрушенный, окруженный густым зеленым садом. Этот сад словно бы противопоставлял свою густоту и зелень выжженной песчаной арене, на которой теперь старики — точно вышедшие из фильмов пятидесятых, с фактурными лицами, горбатыми носами, в свитерах и кепках, — играли в петанк, пока немногочисленные гуляющие бродили вокруг, присаживаясь на каменные лавки амфитеатра — не для того, чтобы следить за игрой, но для того, чтобы поболтать и съесть длинный сытный парижский «лё сандвич» — с сыром и ветчиной.

Или, вот еще, я узнала, что на кладбище Монмартра, помимо знаменитостей, вроде двух Дюма, Теофиля Готье, Дега и других, — похоронена и Далида, и у меня тотчас же появилось желание навестить ее. Туда я дошла пешком, в ближайшем к кладбищу цветочном купила длинную бордовую розу, и зашагала по хрустящим от каменной крошки аллеям, не желая изучать схему и разрабатывать маршрут. День был жарким, но вдруг как-то стемнело, и мне показалось, что дело не в погоде, а в самом кладбище — старом, зловещем, пустынном. Я уже нашла несколько интересовавших меня могил, но Далида все не являлась. Я вспоминала, как когда-то в детстве, у моей подруги Кристины, чьи родители считались особенно модными в интеллигентской тусовке технарей, любителей «культуры и искусства», — мы слушали пластинку Далиды, где та печальным голосом пела «дэван лё вьё кафе», «перед старым кафе... вспомни, это было давно... ты сказал мне, "я ждал тебя"...» И эта песня навсегда засела у меня в голове, и романтический фон — шум моря и крики чаек — как-то поразительно поддерживал историю рассыпавшейся любви... У меня отяжелели ноги, на меня напала сонливость, но я брела, брела по аллеям кладбища

Монмартра, окутанная предгрозовым сумраком, брела и напевала: «сё суар... антэ вуайан», «этим вечером я вижу тебя...». Наконец, я заметила какую-то эстакаду, она настолько не вписывалась в этот торжественный погребальный ландшафт, что я направилась к ней — просто чтобы очнуться. Там, петляя между цементными блоками, я вдруг вышла на узкую дорожку, которая вела наверх. Небо посветлело, и когда я подходила к заветной могиле, всю жарило солнце, тяжесть оставила меня, и мне вдруг стало легко и радостно. Калитка была открыта, и я шагнула внутрь. По бокам стояли торжественные черные вазы, над которыми высились игристые помпоны самшита, а на самом камне сияла белая фигура Далиды, осененная золотыми лучами славы. Возле камня копошились два молодых человека, они манерно обсуждали трагическую судьбу певицы, и выбирали, куда бы положить сливочный, взбитый, шуршащий букет гортензий, переключившийся с вечным самшитом. Когда они удалились, я шагнула к белой и неприступной женщине и положила у ее ног свою одинокую розу.

Я возвращалась домой на рю Кондорсэ и заметила на лавочке моего любимого сквера на площади Лио Вентура женщину. Это была давно умершая к тому моменту в Америке мамина подруга Зоя. Она сидела — элегантная, строгая, коротко стриженная, в своих массивных очках, за которыми ее большие глаза казались еще больше, они растекались под линзами, превращая все лицо Зои в сплошной, глубокий, внимательный взгляд. Итак, она сидела — умершая мамина подруга Зоя — и плакала. Плакала искренне, выплескивая из себя и свою смерть, и свою наблюдательность, — всхлипывая и не утирая слез.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила я, и тут же подумала о початой бутылке Сент-Эмильона, оставшейся со вчера в моем холодильнике.

— Нет-нет, — Зоя не узнала меня. — Спасибо, все в порядке.

— Вы плачете, — заметила я. Ее слезы мне казались абсолютно уместными после этих самшитовых шаров и помпезного сияния памятника. «Сё суар...»

— Да, да, — она словно бы хотела добавить это «да-да» к своему предыдущему «нет-нет», потому что и «да-да», и «нет-нет» были обо всем на свете, чего она лишилась и по чему безмерно сучала.

Зоя потрясла руками — будто пытаюсь остудить лицо и одновременно охватить своим жестом все вокруг. — Просто вот это... Просто такова структура момента, — всхлипывая и заливаясь слезами, пояснила она.

Это был редкий случай, когда я в Париже говорила на английском. А потому я извинилась и тут же влетела к себе на Кондорсэ, схватила Сент-Эмильон и мигом вернулась в сквер. Но никакой Зои там уже не было.

ПАССЭ КОМПОЗЭ (PASSÉ COMPOSÉ)

— Двенадцать браслетов и один ливень, — Жерар усмехнулся и показал Большой Ма большой палец с отполированным до розового блеска ногтем. — Двенадцать браслетов, как двенадцать апостолов, господи Иисусе!

— Ты говоришь о браслетах и апостолах с таким удовольствием, словно это франки, — прохрипела Большая Ма. Она поддела яркомалиновым когтем бумажный пакет и добыла оттуда круассан. — Когда-то я любила есть сначала соленое, а потом сладкое. Но теперь... — Жерар отвернулся. Он ненавидел смотреть, как продукты исчезают в черной, точно прогорклое жерло старого тунисского табуна, пасти паучихи. Однако его уши... Нет, он не мог их заткнуть, это было бы невежливо. И потому сначала услышал хруст уже подсохшего багета, а затем — влажное, голодное чавканье.

— А-а-а, — блаженно простонала Большая Ма, и Жерар обернулся. Ее лапа теперь шарилась в пакете с сэндвичами. — Так что насчет салата «а-ля бержер»?

— У тебя посуда есть? — спросил Жерар.

— Есть, — с готовностью отозвалась она. — Там, где агнец божий.

Жерар заглянул за колонну. Кое-где штукатурка еще сохранилась, и, присмотревшись, можно было едва различить остатки старинных фресок. Светящийся, осененный золотыми лучами ягненок стоял посреди роскошного фруктового сада, над ним сияли благословенные небеса, а под деревом отдыхали две прекрасные женщины — светлые, разомлевшие, точно два подтаявших эскимо в жар-

кий день. На переднем плане зияла дыра, обнажавшая старую кирпичную кладку, которая, будучи схожа с руинами, удивительно дополняла сюжет фрески. А под кладкой располагалась каменная чаша для святой воды, забитая теперь грязными пластиковыми тарелками. Жерар порылся в них и вытащил самую чистую, лишь слегка окропленную кетчупом. Этот алый мазок давно подсох, но Ма, почувствовав томатную пленку на пластике, выхватила тарелку из рук Жерара и быстро ее облизала. Господи, вот так вовремя не отвернешься, и увидишь все эти волоски, жвала и прочую паучью дрянь в действии. Жерара передернуло. — Давай сюда, собери мне, как раньше, бывало, я собирала блюда в своем кафе, ах, мой самый вкусный, самый изысканный старинный пасьянс... Я тебе рассказывала, как раньше, когда я была мадам Мадлен, у меня было кафе...

— Рассказывала, — и Жерар, в который раз ощутив жалость к ней, проклятой и отверженной, стал готовить. А что будет, если и здесь почуют мотылька? Изящного призрака Большой Ма, вызывающего дождь? — мелькнула мысль и погасла в том удовольствии, которое он испытывал, когда прикасался к еде.

— О, это столь прекрасные воспоминания, — сипела Большая Ма и тихо шевелила своими мохнатыми лапами, водевильно подкрадываясь к Жерару. Он работал, поглядывая на нее исподлобья, и каждый раз, когда дарил ее взглядом, она, словно бы испуганно, кряхтела и, угождая ему, поджимала лапы и принималась постукивать своими ярко-малиновыми когтями по шершавым стенам подземелья.

Сердцевиной блюда стала алая помидорная мякоть, украшенная разрезанными на узкие дольки яйцами, — точно лодчки в закатных волнах, они сгрудились в заливе, попираемые сбоку гигантскими листьями салата и черными блестящими гольшами маслин. Тонкие сухие ломтики сыра лишь поддерживали эту морскую картинку, их изогнутые спины подхватывали откуда-то выпавшие перченые сухарики, и тут же неожиданно пойманная руккола — буквально три или четыре горьких веточки — прочерчивала свои нездешние пути в этой сбалансированной глади деревенского блюда. Наконец, на салат «а-ля бержер» пала пелена ветчины, и наступил вечер.

— Возьми туда горчички из «лё сэндвича», — взмолилась скворчавшая от предвкушения Большая Ма, и у Жерара в памяти действительно всплыли тускло-желтые масляные пузыри на раскаленной глине Туниса: ах, как бы ему сейчас хотелось африканских лепешек из табуна, горячих, вялых, точно рука американки, которую он сегодня напоследок даже поцеловал — в честь ноктюрна до-диез минор, в честь локонов умерших возлюбленных, в честь гуляющих девок Пигаль. И в честь двенадцати браслетов, которые она купила из благодарности за зонт и музей.

ПРЕЗАН (PRÉSENT)

— Ты была в Музее романтической жизни? — спрашиваю я Эмили, и она удивленно качает головой. Она не парижанка, она овернье, из столицы региона, города Клермон-Ферран, и очень гордится этим. «В Оверни — самые лучшие французские сыры», — уверенно лжет она, и я наслаждаюсь ее патриотизмом. Что я могу сказать? Что в Москве самая лучшая выпечка в мире? Что в Москве конфетки-бараночки? Словно лебеди, саночки? Что в Москве самые удивительные кольца, а под землей живут едва не погибшие после заключения Неглинки мелюзгины?

Но и Париж может похвастаться своими подземными духами, и в Париже есть свои кольца, вернее, то, что от них осталось... И в Париже свои лебеди и свои сласти. Одри Тоту с заговорщическим видом берет чайную ложку и нападает на словно бы льдистую корочку горячего десерта — крема-брюле.

А я снова заказываю бутерброд крок-мадам, в шляпе из слегка подсоленной яичницы, и отправляюсь на занятия. Там наши бразильцы совсем разбушевались, учат всех бразильским ругательствам, а взамен требуют иностранных, лишенных сакрального смысла, а потому легко выпрыгивающих из их развеселых ртов наподобие... ну, разве я теперь могу разобрать, где жабы, а где розы? Я покорно повторяю «пога» (с «г» фрикативным, близким к «х»), смутно понимая, что это — семя, бесполезно выплеснувшееся на землю, и с этого момента слово «поганный» обретает для меня еще и тайный, гнилостный, чудаковатый смысл. А вот русский звук

«х» бразильцам не дается, а потому Алоан, высокий горбоносый блондин, потешно выкатывая глаза и раздувая ноздри, радостно орет на весь класс: «Уй! Уй» — надеясь, что хотя бы кто-то, кроме меня, сообразит, что они пытаются ругаться по-русски. И маленький круглый камбоджиец Ратана таится за последней партой, нежно улыбаясь всему этому шуму: «Ах, если бы я понимал, о чем это вы».

— Ты была в Музее романтической жизни? — спрашиваю я Эмили. — Ты знаешь, что это совершенно бесплатный музей, очаровательный, там постоянно играет Шопен и деревянные полы скрипят так, словно время остановилось. Плющ увивает стены усадьбы, а мебель пахнет пылью и сладкими духами. Самое глупое, что можно сделать, это взять с собой телефон и фотоаппарат. Если войти в этот музей безоружным, отказавшись от средств связи и запечатления, а вместе с ними и от своего родного двадцать первого века, — можно действительно провалиться в иную эпоху...

— Расскажи об этом на сегодняшнем занятии, — предлагает мне Эмили. — Мы будем обсуждать наши любимые места в Париже.

— Шутишь? У меня столько любимых мест в Париже!

— Ну, расскажи, — настаивает Эмили. И начинается занятие.

Знала ли я, когда отправлялась сюда, что смогу здесь спать на земле, поставив рядом сумку, и не чувствовать ни людей, ни птиц, ни насекомых, ни маленьких наглых кроликов, прыгающих вокруг? Черных кроликов — на опушке Булонского леса — да-да, печально знаменитого Булонского леса, который так и не показал мне свое истинное, искаженное от запретной страсти лицо... Белых — в сквере на острове Пюто, в котором обязательно останавливаешься, если идешь пешком от Триумфальной Арки де Голля до безумной урбанистической «Ля Дефанс»...

Но лучше всего мне спалось в изысканном парке Монсо, охваченном кованной барочной оградой, маленьком, живом, теплом. На его газонах обычно располагались пирующие парижане — и это была совсем иная публика, нежели та, что отдыхала в помпезном — и одновременно излишне открытом, излишне демократичном — Люксембургском саду. Там, в «жардан дю Люксембур», студенты проводили время между парами, бродили очарованные туристы, а белые воротнички из окрестных офисов торопливо съедали свой ланч. Тогда как в «парк Монсо» собирались люди неслучайные,

никуда не спешившие, богема, верхушка среднего класса, те, кому дороги и эти горки, и этот барочный чугунок, кто сейчас, возлежа на траве и тоже, как и я, не чуя под собой муравьев, а над собой — птиц, еще не знает, куда пойдет через час, но уверен, что позднее отправится в гости или на концерт, и ни один другой вечер не будет уютнее и памятнее этого, сегодняшнего. Кстати, в парке Монсо нет ни одного кролика, ни одного.

КОНДИСЬОНЕЛЬ ПАССЭ (CONDITIONNEL PASSÉ)

Уже в сумерках Жерар вышел к метро Онвер и зашагал сначала по толстому и короткому, как подрезанная водосточная труба, проспекту Трудэн, а потом, добравшись до пропахшей пиццей улицы Мартир, то есть улицы Мучеников, легко сбежал вниз, к пустынной серой Нотр-Дам-де Лоретт. На ее ступенях он мельком заметил одинокую девушку, с упоением затягивающуюся сигаретой, и почему-то запомнил ее нервный силуэт с неряшливым пучком на красивой голове и тонкими пальцами, униженными колечками.

Он мог бы остановиться рядом с ней — ведь она была такой белой в наступающей ночи, такой нежной, и ему так хотелось чего-то белого и нежного после черного ядовитого комка Большой Ма, — но он не стал задерживаться. Он шел почти вприпрыжку, потому что спускался, и идти было легко, — дальше, дальше, к Большим Бульварам, туда, где даже так поздно можно встретить гуляющую публику, опьяненную кинематографом, согревшуюся в семейных ресторанчиках и напитанную золотистым туманом оперы и белесым маревом распродаж. Здесь Жерар выскочил на бульвар Монмартр и легко нырнул в брассри «Лё Котон», где его давно уже ждали на кухне.

— Жерар, заказывают две мюзетты! — крикнул высокий и складный официант Анри — сюда принимают на работу только таких, желательно, с незапоминающимися, но правильными чертами лица. Анри зашел, чеканя шаг, на кухню, его смена в самом разгаре, а вот смена Жерара только началась. Теперь Жерар в белом поварском кителе и высоком накрахмаленном колпаке, а на Анри — белая же рубашка и синий фирменный комбинезон. Послушный заказу,

Жерар ловко срезает с балки густо пахнущую перцем колбасную коляску, берет с блюда два яйца всмятку и с удовольствием раскладывает закуску на длинной белой тарелке. Анри пытается сделать большие глаза, но его усилия напрасны: словно бы восковое, как в музее Греван, лицо почти не двигается: узкие скулы, впалые щеки, крупные чувственные губы, густые брови, — все омертвело, все застыло. Однако Жерар знает: Анри пытается разбудить свою мимику, перестать быть импозантным и стать страстным. — Утренние закуски вечером! О чем только думают эти гости! — возмущенно шепчет Анри, а Жерар нарезает хлеб и позволяет сливочному маслу выпустить из насадки бутон и расправиться с крошечной камелией в массивной фарфоровой чашечке.

— Две мюзетты, — покорно возвещает Жерар, и Анри принимает на поднос длинные тарелки с подлинно французским белковым завтраком. О, боги, ведь сейчас восемь вечера!

На этом ужин не заканчивается, те же гости просят к мюзеттам Сент-Эмильон, и это вызывает новые попытки к мимике у воскового Анри.

Теперь, в этом чаду, в этой суете позднего вечера, в этом наслаждении едой — не как чем-то, что может насытить, а как чем-то декоративным, даже толком не пробуждающим аппетит, но радующим глаз, Жерару некогда думать о Большой Ма. И он счастлив, что забыл о ней хотя бы на несколько часов, счастлив, но не знает об этом.

А тем временем Большая Ма, тоже забыв о Жераре, погружена в свои странные липкие грезы. В подземелье совсем темно, но Большая Ма видела бы, если бы хотела. Однако она не желает видеть, она желает лишь ощущать, и то, что она ощущает, это ее прошлое, прошлое парижанки, проклятой и осужденной.

Говорят, время — это и есть человек, и без человека времени никакого бы не было. И в этом смысле Большая Ма не окончательно еще превратилась в гигантскую паучиху. Она тонко чувствует время, она использует его для своих воспоминаний, а оно в свою очередь взимает с Большой Ма страшную дань, ведь каждое мгновение заставляет ее ждать, тем самым причиняя боль и ввергая в неизвестность. Ей кажется, что грезы — это спасение, но они лишь запускают новый виток ожидания, и бедная уродливая Большая

Ма движется, точно чернильная капля, по прозрачному кругу лабораторной чаши, над которой склонилась царица парижских русалок, мелюзина Лулу.

Эту Лулу любители парижских древностей знают как клоунессу Ша-Ю-Као, изобретательницу хаотического канкана. Сегодня Лулу воссияла в городских катакомбах, напитываясь мутными водами Сены, она вернула себе свой раздвоенный хвост и свое истинное обличье. В тихом сумраке подземной заводи она смотрит на стекляшку Петри и наслаждается мучениями бывшей мадам Мадлен. Ведь именно мадам Мадлен, эта вампирша из монмартрского кафе «Лё Крокодил Андорми», «Сонный крокодил», разоблачила любимую подругу Ша-Ю-Као, рыжеволосую Лили, отдав ее на растерзание сумасшедшему анатому Жаку Батисту Папену, ученику другого великого безумца и анатома Жана Сулема Амюсса. Обнаружив необычайное строение тела Лили, а именно, заметив, что ее ноги, всегда туго затянутые в шелковые чулки, не что иное, как раздвоенный рыбий хвост, мадам Мадлен заманила скрывавшуюся мелюзину в ловушку и продала ее, как продавали некогда рабов — хоть для работы, хоть для любви, хоть для заклания, — в анатомический театр, где Папен проводил публичные операции. Лили умерла на арене, в тот самый час, когда пламенели огни Мулен Руж, и ее возлюбленная Ша-Ю-Као, клоунесса, гордившаяся своей мужской профессией, утомленная блондинка с сияющими весельем глазами, наряженная в желтый колпак, желтую блузу и черные галифе, демонстрировала подвыпившей публике свой роскошный зад, из которого неожиданно вылетел воздушный шар, похожий на огромный лимон, и лопнул, не поднявшись и на метр над пыльными лучами рампы.

Проклятие мелюзины — заключает в уродливое тело монстра, и при этом вы остаетесь человеком. Проклятие мелюзины — не дает вам меняться ни внешне, ни внутренне, не позволяет подстраиваться под новый облик и новые времена. Проклятие мелюзины — вынуждает скрываться в надежде, что когда-нибудь это закончится, и при том ощущать каждой клеткой своего чудовищного тела медленное, точно в околоплодном киселе, движение секундной стрелки.

ПРЕЗАН (PRÉSENT)

— Откуда ты все это знаешь? — спрашивает меня Эмили, удивленно подняв брови.

— Я давно изучаю мелюзин, — самодовольно отвечаю я и чувствую, как где-то под нами, под теплой брусчаткой площади (да-да, на ней еще ни один снегопад не смог задержаться: в самый лютый холод здесь тепло, оттого это место так любят художники, музыканты и попрошайки) возле Центра Жоржа Помпиду усмехнулась царица Лулу.

— Серьезно? — продолжает допытываться Эмили. Мы бредем с ней к улице Рамбуто, которая отделяет бывшее «чрево Парижа», описанное Эмилем Золя, от старинного квартала Марэ. Там, на узких улочках, полных богемных фриков и ортодоксальных иудеев, стоит бежевато-серая громадина, испещренная высокими арками, напоминающими широкие ноздри китайских химер, — музей Карнавале, или, Музей истории Парижа, совершенно бесplatный и очень красивый. Его внутренний двор украшен плотными самшитовыми завитками, а внутри хранятся свидетельства французских войн и революций, поражающих своей жестокостью. И как только этот город жив до сих пор?

— И как только этот город жив до сих пор? — восклицаю я, указывая на макет Бастилии. Смотрительница зала звучно роняет обувь на пол, вздрагивает и просыпается.

— Не знаю, — пожимает плечами моя первая учительница французского, овернье, а не паризьенн.

— Все дело в ваших катакомбах, — заключаю я. — Там живут мелюзины, они заинтересованы в сохранении Парижа. Во всяком случае, его основной части.

— Ты опять об этом, — Эмили закатывает глаза и улыбается, и я знаю, что ей нравится говорить о «парижских тайнах». Особенно по-французски.

Позже мы идем в псевдоеврейское кафе, где в меню значатся фалафели и «блинчикис», обжираемся крепами с шоколадом и бананом, нарезанными пеньками, точно японские роллы, и запиваем все это колючим ледяным сидром. Я зеваю, а Эмили рассказывает мне о своем новом парне Вансане, который занимается архитектурой

и делает проекты знаменитых французских дизайнеров. И эти звезды дизайна с легкостью присваивают проекты Вансана себе, впрочем, выплачивая работяге неплохой гонорар.

Я поражаюсь: наверное, такое случается и у нас? Про литературу знаю, некоторые плодовые авторы действительно используют рабский труд. А про архитектуру — ничего сказать не могу.

— А как у вас, преподавателей французского для иностранцев? — интересуюсь я. — Вы тоже используете рабов?

— О, да. Но только если ставим со своими студентами скетчи по классикам. То есть там бывает такая роль... Роль раба, роль рабыни. Хотя это, конечно, уже высший пилотаж, — отвечает Эмили.

— Да уж, мне до этих высот не добраться, — признаюсь я. — Я ведь здесь совершенно случайно.

— Как это? — Эмили поймала вилкой последний блинный пене-чек и принялась промакивать им вытекшую начинку.

— А так. Ты, конечно, не знаешь. Но куда едет русский, если вдруг у него образуются шальные деньги? Да, можно предполагать, что он становится дауншифтером или, скажем, просто их пропивает... Но настоящий русский едет в Париж, снимает там себе мансарду — на рю Кондорсэ, недалеко от знаменитой Пигаль, но в тихом квартале «бюэ м буржуа», «бо-бо», то есть там, где живет богема и верхушка среднего класса. А для виду записывается на курсы французского, чтобы знать чуть больше, чем «же не манж па сис жур», безграмотной фразки Кисы Воробьянинова из знаменитого романа «Двенадцать стульев».

— О, да, — Эмили набила себе рот сладким блинчиком, и теперь слова увязают в шоколаде. — Я давно хотела у тебя спросить. А почему все русские говорят, что они не ели шесть дней?

— Ха! — я доливаю себе сидра. — А я давно хотела тебя спросить, почему французы постоянно поминают Марию Антуанетту? Все эти события были двести пятьдесят лет назад! Да и вообще, гордиться тут нечем. Отрезали голову молоденькой девочке.

Мы смеемся. Но наш смех прерывают громкие звуки с улицы. Сегодня забастовка, и ее волна, подымавшаяся на площади Бастилии и катящаяся по улице Сант-Антуан, начинает распадаться на отдельные ручейки, заливаясь в арки и подворотни Марэ. И эти тоненькие

струйки внезапно обретают свою особую харизму и свое особое настроение, и вот уже перед нами — не демонстранты, а просто люди, которые решили использовать неожиданно явившийся среди недели официальный выходной для того, чтобы встретиться с друзьями и попить на газоне.

«Привет, Жорж!» — кричит веселая компания какому-то мужчине, застывшему на другой стороне улицы. Жорж близоруко шуруется, силясь в плотной толпе распознать своих друзей, в его руках — бумажный пакет из буланжери, в котором багеты, круассаны, киш. Но вот он узнал их — они зовут его, размахивая над головами пятью бутылками. Сегодня явно забастовка окажется одной из самых действенных и самых приятных. Жорж что-то кричит в ответ, но его крики прерываются клаксонами и «марсельезой» — ее распевают какие-то весельчаки, одетые в форменные футболки бастующих. А из проходного двора, ведущего к «пляс дё Вож», или, как ее называют по-русски, к «площади Вогезов», доносится пение живого шансонье: «О, Рози-Розэ-Роза!» — восклицает он в микрофон голосом Ива Монтана, и здесь уже ни поговорить, ни побродить, ни посмеяться. Остается только одно: запоминать.

ПРЕЗАН (PRÉSENT)

Брассри работает до часу ночи, и все это время Жерар занят. Конечно, он пока не готовит сложные блюда, особенно, мясные. Все мясные блюда — на индийце Мадхукаре. Индийцев сюда нанимают с удовольствием, ведь они не едят мяса, а стало быть, их обед заведению обходится очень дешево. Но все равно, закуски и украшения блюд — на Жераре. У него есть вкус, он настоящий художник, так ему говорит мсье Фортан, владелец «Лё Котона».

— Когда-нибудь я тебя возьму шефом, — улыбается мсье Фортан и похлопывает Жерара по плечу. И Жерар гордится своей грядущей карьерой, он всегда думает про себя: «Я — будущий шеф».

— Какой же ты шеф, — хрипит Большая Ма, когда он утром приносит ей остатки колбасы, собранные из нескольких «мюзетт» «Лё Котона», полдюжины яиц, сваренных всмятку, и свежий багет. — У тебя ведь совсем другой талант. И зачем ты вообще мне купил

багет, я же сказала, мне достаточно бесплатной еды, ее полным-полно в Париже. Когда я была мадам Мадлен, у меня был приятель, клошар Франсуа, вечером он спускался к Сене, там можно было разжечь костер и погреться, а днем он шатался...

— Погоди, Большая Ма, — прерывает ее Жерар. — Ты сказала, что у меня другой талант. Какой? — и он поправляет свой роскошный пиджак (тот самый, купленный на Мажента), готовясь к очередному рабочему дню.

— Как какой? — удивляется Большая Ма. Она подцепила своим ярко-малиновым когтем колбасный круг, поднесла его к своей устрашающей черной морде и обнюхала со всех сторон. — М-м-м, свинина с говядиной, мое любимое сочетание... А чеснок... А перец... А розмарин...

— Так какой? — нетерпеливо спрашивает Жерар.

— Как какой? — повторяет Большая Ма и тихо смеется — театральным смехом гигантской паучихи, — наслаждаясь тем, что еще может вызывать в людях чувства, отличающиеся от страха и отвращения. — Ты великий волшебник, крошка Жерар. Ты умеешь вызывать дождь, ты очаровываешь людей, и ты чувствуешь красоту.

— Всем этим не заработаешь, — раздражается Жерар.

— Правда? — кажется, Большая Ма искренне поражена. — А я тебе докажу, что зарабатываешь.

— И как? Найдешь в катакомбах бриллиант со страусиное яйцо и оплатишь мне мои старания? — язвительно спрашивает Жерар. И тут же осекается. Ведь его старания уже давно оплачены. Однажды Большая Ма выползла из своего подземелья возле станции Барбес-Рошешуар, как раз там, где какие-то наркоманы избивали юного Жерара в надежде получить код от его кредитки, — выползла и спасла ему жизнь. Жерар замолкает, устыдившись, но Большая Ма только смеется. Тихо смеется, тихо-тихо.

— Вот увидишь. Завтра ты проснешься знаменитым. Да только вот делать такой подарок тебе — не есть ли для меня самоубийство чистой воды? — спрашивает она, поджимая свои мохнатые лапы так, словно бы поеживаясь.

— Ты серьезно? Я никогда тебя не оставлю, Большая Ма, — и в доказательство своих слов Жерар кладет руку себе на грудь. Он от всей души верит, что так оно и будет. Но Большая Ма не верит.

И все же она смеется. Потому что, похоже, ей действительно уже пора.

Проходит месяц. Царица русалок Лулу отвлеклась от своей провидческой склянки, она резвится с другими мелюзинами в подземных водах, наслаждаясь индигово-болотными бликами. Кажется, сегодня она позабыла о своей мести и о своем разбитом сердце. Ее усталые глаза сияют, наполняясь водами Сены, а тем временем в городе все идет своим чередом. Вот — крошечная капля упала с потолка и разошлась кругами по поверхности воды, — это кролик прилег и вытянул задние лапки на опушке Булонского леса. Вот — поднялась легкая и острая волна, — это вытащили раму окна в доме на улице Реомюр, и через расширенное отверстие вытаскивают из комнаты рояль, чтобы перевезти его в другую квартиру. Вот — мальки засеребрились у плавника мелюзины, — это торговец марками на улице Вивьен уронил на пол один из своих самых ценных и тяжелых клейстеров. Вот — у чугунного люка сгустился тонкий аромат снеди, это на площади Клиши принялись готовить мидий в бульоне со сливочным маслом. Вот — звякнула туристическая монетка у моста Искусств и ушла в зеленоватую толщу реки, и одновременно почему-то упало рыцарское забрало, обнажив за собой пыльную музейную пустоту — в Доме Инвалидов. Вот — блеснул фейерверк, и серебристый жемчуг рассыпался по траурным кружевам Эйфелевой башни, сегодня знаменитый Жерар Сахди получает свою первую мишленовскую звезду. Жерар Сахди? — Царица русалок Лулу, нырнув и проплыв под танцующими подругами, рванула к своей склянке. Не может быть.

Там, на прозрачном стекле, больше не было чернильного паучьего сгустка. Напротив, на нем, точно на сероватой радужке глаза, лежал мертвый серебристый мотылек с почти уже осыпавшейся пыльцой крыльев, неизвестно, как сюда, под землю, попавший.

ВЕРА ПАНЧЕНКО
«СТАН»
М.: «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ», 2023

Книга Веры Панченко «Стан» долго ждала своего часа. Этот сборник автор составила, выбрав стихи из ранее изданных книг и одной, так и не опубликованной. Стихи отбирались автором долго и тщательно, поскольку книга посвящена Родине. Слово «Стан», давнее название этому изданию, как мы знаем, в переводе с персидского означает «стойбище, место стоянки», а в современном значении — «станция» и «страна». Задав столь высокую планку, автор придерживается ее до конца книги. Стихотворения о России — это и размышления о месте человека в этом мире, о связи каждого из нас с родной страной, и духовная, и пейзажная лирика. Так, например, начинается описание короткого сибирского лета:

Вся Сибирия в лето одета,
Как сиреневый змееголов,
Опускается солнца пальметта,
И гамак предвечернего света
Провисает меж тонких стволов.

Родина начинается с семьи. Для маленького ребенка Родина — это мама, папа, бабушки, дедушки. Это те, кто рядом изо дня в день, кто заботится и поддерживает человека с рождения. Вера Панченко в стихах очень трогательно отзывается о родителях. С первой строки удивляет стихотворение об отце:

Христос стоял у верстака,
Сбивая в кровь ладонь.
Болела юная рука —
Земных азов огонь.

Это проникновенное стихотворение отражает жизненную позицию автора. Если что и делать, если работать, то с Божьей помощью. Через общую профессию — плотницкое дело — отец лирической героини Веры Иосифовны оказывается причастен ко Христу.

Это написано очень просто и красиво, без громких оборотов. Благодать даруется не каждому, но каждому под силу жить просто, в меру своих сил трудиться, радоваться каждому дню и быть благодарным за то, что имеешь.

Стихи Веры Панченко наполнены идеями сострадания и милосердия, будучи подчинены православному восприятию мира. Будущее, при всей неопределенности и напряженности настоящего, не пугает автора. Так может писать только глубоко верующий человек:

Воскреснут небесные силы —
Душевные силы щедры.
Ах, как поселенья красивы,
Где в центре — живые шатры.

Храмы символизируют спокойствие, умиротворение и чистоту. Давным-давно поселения строили так, что все дороги вели к храму. Сейчас такое трудное время, что пора вспомнить об этом. Замечательно, что автора интересуют не церкви сами по себе, а их место в современности. Сознание определяет бытие: с верой легче преодолевать как повседневные трудности, так и общенациональные бедствия. Вера Панченко знает это не понаслышке, она живой свидетель военных лет. Ее трогательное стихотворение напоминает нам о том, что трудно переоценить подвиг воинов отгремевшей войны:

Я живу в прожекторах Победы,
Их не гасит вереница дат.
Светит майский день — он заповедан
И мобилизован, как солдат.

Проходит время, но День Победы остается символом единства русского народа, поскольку историческая память — это не просто сухой набор фактов. В ней отпечатываются те события, которые становятся фактами собственной биографии человека. Эти события не забыть, не вычеркнуть. Никогда прежде люди не ощущали такую общность судьбы. Никогда не было такой решительности положить

все силы, а если нужно — пожертвовать жизнью во имя Победы. Память о тех, кто отдал свои жизни, защищая Родину, живет и навсегда останется в наших сердцах. Автор заканчивает стихотворение, посвященное Празднику Победы уверенностью в неразрывности межпоколенческой связи, единстве всех трех модусов исторической памяти — прошлого, настоящего и будущего:

Наши силы, бывшие под спудом,
Он вобрал в себя — и сверх того...
Поколенья, кровные, — сосудом
Чувствуют Победы естество.

История — это, в первую очередь, люди. Вера Панченко остро ощущает свою причастность к русскому народу. Ее книга напоминает нам о том, что какие бы потрясения ни испытывали русские люди, связь поколений восстанавливается. И самое главное: автор транслирует веру в торжество справедливости, без которой не может быть веры в Бога.

Ольга ЕФИМОВА

АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА
«РОЖДЕСТВО НА КУЗНЕЦКОМ МОСТУ»
РИДЕРО, 2022

Книга Александры Крючковой «Рождество на Кузнецком мосту» представляет собой сборник рассказов, на первый взгляд, судя по названиям, православных. Безусловно, данные истории так или иначе имеют свои корни в православном детстве автора, а также связаны с воспоминаниями о ее уединении в монастырях и пронизаны любовью к греческому Афону, на границе с которым Александра Крючкова провела много лет уже в зрелом возрасте. Но не спешите с выводами, читатель! Произведения писателей-мистиков выходят за рамки общепринятых стереотипов. В целом, соглашусь с закономерной победой автора в номинации имени Н. В. Гоголя конкурса «Писатели XXI века» (МГО СП России, «Литературная Республика», 2022), хотя, казалось бы, почти «гоголевское» название «Рождество на Кузнецком мосту» имеет меньшее отношение к уважаемому мной Николаю Васильевичу («Ночь перед Рождеством», «Вечера на хуторе близ Диканьки»), чем включенные в книгу рассказы «Грешница» и «Иконописец».

Все начинается с очаровательного кота Барсика, а также ангела и черта, появляющихся почти одновременно в реанимации во время клинической смерти главной героини — рассказ «Бог, Барсик и борщи», и тут же автор озадачивает читателя вопросом о его предназначении, как бы спрашивая: а вы пришли на Землю зачем?

«Возможно, служение Барсику и есть моя задача на Земле? Не Барсик ли — причина того, что я до сих пор жива? А может... служение Барсикам? Интересно, сколько котов я могла бы спасти за свою жизнь, а спасла всего одного...»

«А у меня внуков четверо! Пропадут без меня-то! Кто им борщи варить будет?»

«— Я? Монахиня?! — Людмила сжалась при одной лишь мысли об этом. — Ты хочешь сказать, что мне не суждено встретить земную любовь?»

Запомните вопрос про земную любовь и уход в монастырь, поскольку заключительный рассказ «Пора в отпуск на Афон» фак-

тически является на него ответом, но автор умело проводит читателя в Небо по Лестнице, не перепрыгивая через ступени, потому что:

«— У каждой души — свои задачи на Земле. Не выполнив их, продолжить путь в Небе не получится».

После прочтения «Барсика» читатель подсознательно готов к развитию линии романтизированного автором монашества, однако следом — в рассказе «Грешница» — образ попа-пьяницы мгновенно разрушает иллюзию святости и напоминает персонажей рассказов Н.В. Гоголя. Так, в самую строгую неделю пасхального поста:

«Позавтракав яичницей и прихватив с собой пару бутербродов с сыром и колбасой, чуть не забыв Евангелие и крест, приходской священник Алексей Прошкин не спеша отправился исповедать некую прихожанку Пелагею, умирающую от тяжелой болезни. <...> Рассказанное умирающей до этого момента не особо интересовало батюшку, он даже чуть-чуть всхрапнул...»

В истории о блудном батюшке, в итоге так и не отпустившем грехи матери своего сына, которую он сам же бросил на произвол судьбы, Александра Крючкова буквально переворачивает все с ног на голову, меняет шаблонные представления читателя о греховности и святости:

«— Но вскоре, когда я сказала, что у нас будет ребенок, он запретил мне рожать нашего сына...

— Сына? — батюшка нахмурил брови и затеребил Евангелие.

— Да, Слава Богу, не приняла хоть этот грех на душу! Мы ведь так и не поженились — испугался мой жених, променял меня на дочь богатого и влиятельного чиновника. А сын мой внешне — копия своего отца, и я назвала его Алёшей.

<...> В тот же вечер Алексей оставил рясу дома и отправился с друзьями в кабак. Сильно напившись, на следующее утро батюшка прогулял службу и всю Страстную Неделю провел с друзьями, вспоминая Страданья Христа, не расставаясь с бутылкой».

Ситуация, описанная автором как бы со стороны, без личностных комментариев, блестяще доводится до едкого финала:

«На Пасху, <...> прихватив с собой церковного вина, Алексей отправился на могилу новопреставленной и столкнулся у кладби-

щенских ворот с красивым юношей. Батюшка узнал в нем сына, но сын не узнал бы в нем отца — тот слишком плохо выглядел...»

Дерзко? Согласен, но каждый из нас помнит с детства: «в семье не без урода», и теперь читатель подсознательно доверяет автору — писательница смотрит правде в глаза, какой бы горькой та ни была, а значит, все, что она рассказывает, — правда.

В грамотно подобранный момент дверь в Иную Реальность открывается замысловатой историей с незамысловатым названием «Бабушка», главная героиня которого принимает решение: *«Умереть в Париже, городе Любви, из-за ее ненахождения — чем не сюжет для романа?»* Бабушка автора действительно жила в Париже и была католичкой, в рассказе она заботливо и, что немало важно, заблаговременно проводит горе-внучку в Иную Реальность на встречу к падре, в очередь к которому уже выстроились неприкаянные висельники:

«— Сжальтесь надо мной! На Библии клянусь: я совершил массу добрых дел за 200 лет!»

Падре кивнул, перекрестив его шею, и висельник тут же исчез. А я бросила очередной взгляд на обратный отсчет своего земного времени — оставалось 7 дней. Да-да, как я и планировала. Но провести на Том Свете 200 лет, подобно висельнику, — совершенно не входило в мои планы!

— Но что же я смогу сделать здесь, в Париже? В чужом мне городе, когда я даже не знаю французского!!! Как совершить столько добрых дел, чтобы...?»

Сколько добрых дел стоит одна грешная мысль? И что бы сделали вы за 7 дней, чтобы стереть ее в скрижалях, даже еще не совершив греха? Александра Крючкова в своих произведениях предоставляет читателю возможность побыть в шкуре главного героя в экстремальной ситуации, чтобы принять для себя единственно верное решение — найти выход из тьмы к свету. Интересный прием: бабушка не произносит в течение всего повествования ни слова — обет молчания! — усиливая интригу сюжета. Это впечатляющий рассказ о силе добрых дел, вне зависимости от того, на кого или на что они направлены. К тому же творить добро можно и после перехода в Иную Реальность,

и никогда не следует отчаиваться и сомневаться в неизбежной победе добра над злом!

Хочу отметить, что непредсказуемость — одна из отличительных черт творчества Александры Крючковой, при этом каждый рассказ имеет свою тональность и настроение, свой аромат Иной Реальности.

«Иконописец, или Квартирный вопрос» — очередная ирония судьбы! Несмотря на серьезность вопроса, в данной истории, написанной от лица мужчины, автор демонстрирует отменное чувство юмора. Если святые грозят вам пальцем с икон, а забавные черти высовываются из стен смежной квартиры и просят рюмочку коньячка, не спешите вступать с ними в разговор, ведь не у каждого из вас есть таинственная монахиня, готовая молиться об их исчезновении.

«Из стены вылезла голова чумазого черта.

— Коньячку не найдется? — поинтересовался он.

— А разве бесы пьют? — ошеломленно спросил я.

— Нет, конечно! Нюхают! — черт расплылся в улыбке чеширского кота и, хихикнув, подмигнул: — Нас к земному тянет — праной не корми! По телу скучаем — потому в живых и вселяемся!

"Черти что!" — подумал я, не особо доверяя рогатому, но пригласил его на кухню и попросил рассказать, что здесь происходит, в обмен на бутылочку Реми Мартин.

— Что происходит? — усмехнулся черт. — Война, братан!

— За душу соседки? — переспросил я.

— Не, за все!..»

В этой истории тема ухода в монастырь проявляется уже в трехкратном размере — две монахини и будущий монах-иконописец, судьба каждого из которых уникальна, ибо «неисповедимы пути Господни».

Рассказ «Певчие, или Воины Света», идущий следом, объясняет читателю тягу автора к монастырям: две девочки из церковного хора, исполняющие а капелла самому Патриарху Всея Руси Алексию II во время божественной литургии в главном соборе страны, задают друг другу совсем не детские вопросы, потому что им «уже не хватало уклончивых ответов священников», но находят диаметрально противоположные ответы.

«— Последнее время я все о Боге думаю, задаю себе вопросы и не могу на них ответить... <...> Мне в церкви хорошо, спокойно. Но иногда кажется, что Бога нет, и после смерти тоже ничего нет...

— Брось! Я часто чувствую, как родители приходят ко мне в гости. Самих их не вижу, но знаю: они — вот здесь, совсем рядом. И во сне приходят! Жизнь не заканчивается похоронами! Просто никто не в состоянии вместить в себя даже одной Галактики, познать ее устройство и замысел. Боже, какая же Великая Сила управляет Вселенной! Думаешь, мы рождаемся, чтобы умереть? Не верю! Представь: человек говорит с тобой, думает, рассуждает, и вдруг, через секунду, нет его больше — умер. Куда делось его мыслящее Я, сознание? Нет, Элла, я не хочу верить, что сознание угасает навсегда. Не может так быть, не все исчезает вместе с физическим телом. Бог есть, как минимум потому, что я так чувствую.

— Но зачем Бог посылает людям беды? Зачем он забрал у тебя родителей?

— Откуда ты знаешь, кто посылает беды, и кто забрал моих родителей? — помрачнела Алла. — Может, это был Дьявол?

— Тогда получается, что Дьявол сильнее Бога, — вздохнула Элла».

Крючкова в литературе — настоящий философ, она смело берет читателя за руку и ведет к кульминации борьбы добра со злом не где-нибудь, а в епархии самого Бога:

«— Я все больше убеждаюсь, что Его нет. Сегодня, например, убили ни в чем не повинные гвоздики, и Бог даже не противился. А ведь это произошло в Его епархии, вернее, в Его собственном доме — в церкви!

— Церковь призывает к творению добра, к прощению и любви к ближнему, не на словах, а на деле. Бог — это все хорошее и совершенное, собранное в единое целое. Стремление к Богу — это стремление стать лучше тебе самому, тогда автоматически к лучшему изменится и наш мир. Нет? Но люди видят соринки у всех, кроме себя... вера — это путеводная нить, а надежда — посох. Без посоха идти сложнее. А без веры в пути заблудиться легко.

— *Красиво сказала, но... от правды жизни — далеко*».

Алла, отстаивающая в спорах с подругой торжество Сил Света, теряет не только подругу, досрочно ушедшую из жизни из-за домогательств отчима, но и обещанное ей место во взрослом хоре — его отдают безголосой дочери священника.

Поразительно, что автор не занимает ни одну из сторон в спорах главных героев, но финальная фраза в сцене, где все они, по разным причинам переместившиеся в иной мир, причислены к воинам Света, говорит о бескомпромиссной вере автора в торжество справедливости:

«— *Привет, воины Света! Силы Тьмы не дремлют! Не расслабляемся, чтобы на Земле не говорили, что Дьявол сильнее Бога! Итак, на сегодня задания у нас следующие...*»

«Рождество на Кузнецком мосту» очаровательно и местами юмористично, благодаря гротеску — автор будто жонглирует контрастными елочными шарами на фоне повтора декораций Кузнецкого моста и рефреном шагающего по нему Рождества. Воплощенные души не только не помнят своих договоренностей перед воплощением, но и напрочь отрицают существование Потустороннего мира.

«— *Слушай, ну какие призраки, Алис? Нет там ничего. Есть только "здесь и сейчас"! Я столько литературы изучил по всем смежным направлениям! Ни Бога, ни Дьявола не обнаружил!*»

Интересно, что тема ухода в монастырь воскресает здесь уже с неизбежностью и звучит набатом предпоследнего воплощения, несмотря на то, что «Рождество», возможно, является самым сексуальным рассказом автора, воспевающего Иную Реальность:

«— *Боже, какая красота! И посмотри, посмотри — все такое ПЛОТНОЕ!!! Не какая-то там визуализация или голограмма, как у нас!*

Мы зашли в номер, Вася включил приглушенный свет, и мы, наконец-то, рухнули в широченную кровать... десять лет спустя. Кто бы мог подумать! <...> Секс после определенного возраста — это когда "все свои", нет ничего неизвестного и стеснительного и не требуется ставить рекордов для книги Гиннеса — вы принимаете друг друга такими, какие вы есть, и просто радуетесь

тому, что все живы-здоровы и вместе здесь и сейчас, что можно не только понежиться, но и выговориться...

— Я уйду в монастырь и буду отмаливать таких, как ты! А потом мы встретимся, в Рождество на Кузнецком мосту, уже призраками! И тебе будет стыдно, что ты в нас же самих не верил!..»

Все выше по ступеням Лестницы в Небо, все ближе — развязка.

«Храм, или Когда умирают феи» — сказка для взрослых о попытке феи переписать сценарий судьбы бизнесмена, которого представитель сил Тьмы уговаривает снести храм, чтобы построить казино. А вы знаете, когда умирают феи? Крючковой, на удивление, блестяще удается писать о земном бытие с точки зрения бытия небесного, будто сама она живет в Иной Реальности или является той самой феей, отправленной в наш мир для борьбы с силами Тьмы.

Заключительный рассказ, «Пора в отпуск на Афон», самый таинственный, пронзительно-печальный и уже абсолютно не земной. Но именно в нем жажда земной любви зашкаливает, ведь впереди у главной героини — лишь уход в монастырь на Афон — как последнее воплощение всех тех, кому земная любовь уже не положена:

«Все, что на Земле, предстает здесь в виде голограмм, но невозможно материализовать физическое тело, чтобы почувствовать друг друга...

Он делает вид, что сказка станет бльёю, а я делаю вид, что верю...

Внезапно я почувствовала себя столь одинокой! Вряд ли кто-то на Земле может себе представить, каково это — быть Воином Света! Тьма сгущалась...»

Впечатляет тот факт, что Крючковой удастся в миниатюре (!) об «отпусках» и «командировках» на Землю в целесообразный и согласованный с Высшими Силами «фрагмент шахматной партии турнира в несколько тысячелетий» поведать об устройстве Вселенной, перевернуть шаблонное представление о человеческой жизни на 180 градусов и позволить читателю взглянуть на себя с такой высоты, где «не приживаются те, кто злится».

«"Отоспишись на Том Свете!" — говорила мне бабушка, но была не права: выспаться можно лишь на Земле!»

Книги Александры Крючковой производят на меня магическое воздействие: обыденные диалоги фантастических персонажей приглаживают взбудораженное сознание, и ты проникаешь в ткань повествования, в ее Иную Реальность, и становишься соучастником происходящего настолько, что, когда персонажи спокойно говорят тебе о невозможном, как о рядовом, обыденном факте, ты веришь в действительную возможность невозможного.

Вселенский охват автора и кинематографический стиль письма позволяет нам бродить по улочкам современного Парижа, но одновременно наблюдать за строительством Вавилонской башни и видеть развалины Карфагена, где древний оракул задумчиво разглядывает смартфон в своей руке, прекрасно понимая, что для чудесных предсказаний не требуется никакого технического средства.

Александра Крючкова — по-своему уникальный писатель, чьи произведения напоминают молебны о ниспослании людям благодатного дождя и раскрытые над человеком (или даже человечеством?!) белоснежные крылья незримого ангела-хранителя.

Впрочем, масштаб многих талантливых и нестандартных писателей в толпе среднестатистической массы сочинителей попросту не замечают, а некоторые и не хотят замечать, ибо все их окружающее, независимо от уровня одаренности — питательный криль издательских «китов». И все же надежда на торжество справедливости умирает последней!

Пётр ГУЛДЕДАВА

Светлана Богданова

Прозаик, поэт. Родилась в Москве. Закончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза Писателей XXI века и Московского Союза Литераторов. Автор книг: «Предвкушение» (1996 год), «Возможное начало» («Арго-Риск», 1997 год), «Родство с предметами» («Автохтон», 1999 год), «Ностальгический газ» («Стеклограф», 2018 год), «Сон Иокасты» («Стеклограф», 2018 год). Участвовала в культурном проекте ГМИИ им. А.С. Пушкина «Мир чувственных вещей в картинках» (1998 год). Лауреат премии журнала «Новое литературное обозрение» за лучшую малую прозу в рамках Тургеневских дней в Москве (1998 год). Участница арт-группы «Шоколадное время» (проект «Лирика повседневности» совместно с кинотеатром «Киноплекс на Ленинском», 2004 год). Лауреат специального приза «За изящную словесность» в рамках конкурса им. Даниила Хармса под руководством Марии Семёновой (2017 год). Лауреат специального приза премии «Антоновка 40+» (Поощрение от члена жюри Светланы Василенко и Союза Российских писателей «За живую и бережную память о предках», 2020 год). Номинант конкурса «Поэзия со знаком плюс» (шорт-лист, 2020 год). Автор многочисленных публикаций в журналах «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Октябрь», альманахах «Российский колокол», «Черновик», «Кольцо А», «День и ночь», «Преображение», «Среда». В июне 2000-го года ее роман «Сон Иокасты», опубликованный в журнале «Знамя», был назван критиками «лучшей большой прозой месяца» (журнал «Итоги»). Ее произведения можно почитать на сайте guelman.ru (проект «100 писателей» критика Вячеслава Курицына), на порталах «Полутона», «ЛИТERRАТУРА», «Сетевая словесность», «Середина мира», а также в альманахе «День поэзии» и приложении «Ex Libris» к «Независимой газете». Воспоминания Богдановой о Литинституте («Жизнь рыб») были опубликованы на портале Ревизор.ру и «ЛИТERRАТУРА».

Пётр Гулдедава

Член Академии Российской литературы, Заслуженный писатель МГО СП России, руководитель ЛИТО «Свежий взгляд», главный редактор альманаха «Шарманка».

Ольга Ефимова

Поэт, прозаик, литературный критик. Окончила экономический факультет МГПУ по специальности «менеджмент в сфере образования». Публиковалась в журналах «Урал», «Наш современник», «Дети Ра», «Цветные строчки», «Зинзивер», «День и Ночь», «Зарубежные записки», альманахе «День поэзии», газетах «Экслибрис НГ», «Литературные известия», «Поэтоград». Родилась и живет в Москве. Работает в Союзе писателей XXI века.

Нина Краснова

Известный поэт «потерянного поколения». Родилась в Рязани, в 1950 году. Стихи пишет с семи лет. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Евгения Долматовского). В 1979 году выпустила в первую книгу стихов «Разбег» (в «Советском писателе») и в 1980-м была принята с нею в Союз писателей СССР. Печаталась в журналах «Юность», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Студенческий меридиан», «Крокодил», «Обозреватель», «Наша улица», «Время и мы» (Нью-Йорк — Москва), «Дети Ра», «Другие», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Крещатик», «Зарубежные записки», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Московский год поэзии», «Истоки», «Кольцо А», «ЛитРос», «Эолова арфа», «Золотое руно», «Муза», «Литературные знакомства», «Литературная Рязань», «Утро», «Чаша круговая» и т.д., в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Литературные известия», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Книжное обозрение», «Поэтоград», «Литературные известия», «День литературы», «Завтра», «Слово», «Россия», «Россия», «Экспресс-газета» и т.д., а также в разных коллективных сборниках и антологиях, в том числе в антологиях «Поэзия. XX век», «Поэзия. XXI век». Автор более 20 книг стихов и прозы, член редсовета журнала «Юность», основатель и главный редактор альманаха «Эолова арфа». Лауреат премий им. Анны Ахматовой, им. Николая Рубцова, им. Анны Григорьевны Сниткиной, им. Леонида Утёсова, а также премий «Старая пластинка», «Изумрудный Дюк», «Бриллиантовый Дюк», Артиада народов России, «Писатель XXI века», «Парабола» и других, обладатель спецприза от Фонда им. Андрея Вознесенского «За талант». Член Союза писа-

телей Москвы, СРП, РСПЛ, СП Северной Америки, Русского ПЕН-Клуба, Первый секретарь Союза писателей XXI века. Академик МАРЛИ (Международной Академии Развития Литературы и Искусства). Печаталась не только в России, но и за рубежом, в США, Израиле, Франции, Италии, Норвегии, Индии, Китае, на Кубе, в Сирии, Алжире, Эфиопии, и в европейских странах бывшего соцлагеря, в Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Польше, Германии, и в бывших союзных республиках, в Латвии, Украине, Туркмении.

Александра Крючкова

Поэт и писатель-мистик, лауреат международных премий в области литературы, государственный стипендиат в категории «выдающиеся деятели культуры и искусства РФ». Член Союза писателей России (с 2009), Союза литераторов России (2010–2013), Российского авторского общества, Союза писателей XXI века (с 2011), Международной гильдии писателей (Германия, 2011–2015), Международной Ассоциации Граждан Искусства «М. А. Г. И.» (Испания, с 2009), регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» (с 2007), Открытого Литературного Клуба «ОткЛиК» (с 2008) и др. Автор многочисленных книг. Живет в Москве.

Михаил Кузьмин

Поэт, журналист, художественный критик. Автор книг «Дом, отапливаемый утопиями», «Дневные листья — ночные корни», «О. поэтах. и. о. поэзии», «Летопись молчания», «Я жалуюсь на свое воображение» (*Mi lamento della mia immaginazione* — билингва), «Расстояние между галактиками» (*Galaksien välisestä etäisyydestä* — билингва). Живет в Санкт-Петербурге.

Сандра Мясникова

Прозаик. Родилась в Москве в творческой семье. В 1983 году закончила школу № 127. С 1983 по 1988 год училась в Литературном институте имени А. М. Горького, защитила на отлично дипломную работу (творческий семинар Виртанен Р. Э.) как переводчик художественной литературы с финно-угорских языков. Первый рассказ

«Робот Пенчик» написала в 1991 году, в 1997 году он был опубликован в журнале «Соло» Российского ПЕН-центра, а в 1999 году была его публикация в глянцево-м журнале «Она». В 1992–1993 году находилась во Франции в связи со служебной командировкой мужа, написала серию очерков о русской эмиграции, которые вошли в первую книгу «Женщина на земле» (1997 год, издательство «Металлик») вместе с другими произведениями. В 1999 году опубликовала рассказ «Меченая» в альманахе «Мурманский берег». В конце октября 2011 года выпустила свою вторую книгу «Детки не растут на ветке» (Издательство «Русский двор»). В настоящее время работает над своей третьей книгой прозы «Широка страна моя родная».

Евгений Степанов

Поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Футурум АРТ», «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Живет в поселке Быково (Московская область).

Футурум АРТ
Литературно-художественный журнал
Союза писателей XXI века

Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)

Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 13.03.2023
Подписано в печать 24.03.2023